



Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова
Дневник летучей мыши

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Дневник летучей мыши / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

Бывшие мошенники, а ныне преуспевающие детективы красавица и умница Лола и ее верный друг, хитроумный Леня по прозвищу Маркиз, повидали многое. Но в такой невероятной передрыге они оказались впервые! Престарелая актриса Саломея Леонардовна готова отдать любые деньги, лишь бы выкупить у шантажистов свои похищенные дневники. От Лени требуется только передать деньги и получить назад бесценные тетради. Но... Маркиз никак не может выполнить такое простое поручение, поскольку каждый раз вместо связного с тетрадями он находит его труп, причем убийства совершаются самыми необычными и изощренными способами. Однако Лола и Маркиз не отступают: не родился еще такой человек, который переиграет их дружную команду! Да и зацепка у них имеется: на запястье у убитых одинаковая и очень необычная татуировка...

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Наталья Александрова

Дневник летучей мыши

– Дама, я не могу пустить вас в ресторан с собакой! – воскликнул официант, пытаясь загородить дорогу посетительнице.

Эта посетительница, молодая красивая женщина в коротком полушубке из стриженной норки цвета топленого молока, широко открыла карие глаза и воскликнула, обращаясь исключительно к песику, которого держала на руках:

– Пуишечка, детка, ты слышал?! Этот неотесанный чурбан назвал тебя собакой!

Песик слушал ее очень внимательно.

Это был достойный представитель древней мексиканской породы чихуахуа. Как всякий уважающий себя современный пес, он был нарядно одет: черная бархатная курточка, отделанная серебряным галуном, такие же штанишки с прорезью для хвоста и бархатная шапочка с крупным кристаллом вместо кокарды.

– А кто же это, по-вашему, – хомяк? Или гималайский медведь? – не сдавался упорный официант.

– Пуишечка, этот человек нас оскорбляет! Он обзывает тебя хомяком! И все молчат. – Женщина обвела взглядом полутемное помещение ресторана. – И никто не придет на помощь одинокой беззащитной женщине! Нет, все же настоящие мужчины перевелись!

Песик, видимо, принял это замечание на свой счет и решил немедленно вступить за хозяйку. Он громко тявкнул, как самая настоящая собака, и потянулся к грубому официанту с явным намерением укусить его за нос. Официант невольно попятился и возмущенно проговорил:

– Вот видите – он лает и даже кусается! А вы говорите, что это не собака!

– Конечно, это не собака! – не сдавалась женщина. – Это модель! Супермодель! На последней Неделе собачьей моды в Милане мой Пуишечка демонстрировал вечерние наряды от Трезоро Каналли со стразами от Сваровски, и он имел колоссальный успех!

На шум из служебного помещения ресторана выглянул владелец, солидный мужчина средних лет в очках с тонкой золотой оправой. Мгновенно оценив ситуацию, он окликнул официанта и проговорил вполголоса:

– В чем дело? Ты же видишь, что дама – наш контингент!

– Но собака... – не унимался официант.

– Это не собака, это аксессуар! – оборвал его хозяин и сам двинулся навстречу даме с собачкой, широко и приветливо улыбаясь: – Прошу вас, не сердитесь на него! Он работает здесь только третий день... и последний. Где вам будет удобнее сидеть? Разрешите предложить вам место на этом диванчике?

– Ну слава Богу, нашелся хоть один воспитанный человек! – Женщина вздохнула и улыбнулась. – Пожалуй, мы с Пу И сядем вон за тот угловой столик...

Она расположилась на кожаном диване в углу зала, рядом с непонятным экзотическим растением в кадке, положила рядом большую сумку от Луи Вуиттона и пристроила своего песика. Затем повернулась к хозяину ресторана и проговорила:

– Принесите Пу И орехового печенья! Двойную порцию! Он перенес такой стресс, что его необходимо утешить!.. Ну а мне что-нибудь простое, легкое, низкокалорийное: карпаччо из манго, черешневое сорбе, фруктовый салат с соусом из лесных ягод и кофе без кофеина... пожалуй, этого будет достаточно – у меня что-то совсем нет аппетита!

– Прекрасный выбор! – Хозяин ресторана поклонился и исчез за служебной дверью.

Дама с собачкой откинулась на спинку дивана и внимательно огляделась.

Ресторан, как уже было сказано, неярко освещали приглушенные бронзовые бра. Напротив входа уютно горел камин. Стены, обшитые дубовыми панелями, украшали старинные географические карты в тяжелых резных рамах.

Посетителей было еще немного.

Второй кожаный диванчик занимала романтическая парочка, напротив камина двое мужчин средних лет потягивали виски и негромко разговаривали о делах, да еще за столиком на двоих в центре зала сидел полный лысоватый господин в темном костюме, то и дело поглядывающий на часы. На коленях у этого господина лежал небольшой кейс из черного пластика.

Через минуту посрамленный официант принес даме с собачкой тарелку орехового печенья, и она принялась отламывать крошечные кусочки и кормить своего песика. Тот хрустел печеньем с завидным аппетитом, не забывая при этом поглядывать по сторонам своими живыми выпуклыми глазками.

– Пуишечка, детка! – щебетала его хозяйка. – Очень прошу тебя, не торопись! Прожевывай как следует! Печенье очень сухое, ты можешь им подавиться...

Песик взглянул на нее с удивлением: уж с чем другим, но с ореховым печеньем он справлялся без проблем, причем в любое время и в любом количестве!

Мужчина с кейсом снова взглянул на часы.

В зале появился официант с длинными черными усами – не тот, который устроил шум перед дверью. Он поставил перед дамой карпаччо из манго, но при этом неловко махнул рукой, сбросив рукавом на пол кусочек печенья.

Песик громко тявкнул, соскочил с дивана и подбежал к мужчине с кейсом. Тот невольно отодвинулся вместе со стулом, но песик подскочил и дернул на себя угол скатерти.

Скатерть поползла на пол, и со стола с грохотом и звоном попадали кофейная чашка, сахарница с аккуратно наколотыми кусочками тростникового сахара, бутылка минеральной воды и высокий стакан темного стекла.

При этом чашка с остатками кофе упала на колени мужчине.

Он вскочил, чертыхаясь и отряхивая брюки.

Черный кейс упал на пол и отлетел под стол.

Усатый официант, рассыпавшись в извинениях, скользнул под стол и через секунду выскользнул оттуда с кейсом в одной руке и с крахмальной салфеткой в другой. Продолжая извиняться, он обмахнул салфеткой брюки пострадавшего. Тот что-то недовольно проворчал и выхватил свой кейс из рук официанта.

Самое удивительное, что песик, устроивший всю эту заваруху, уже спокойно сидел на диване рядом со своей хозяйкой, а та кормила его печеньем и возмущенно приговаривала:

– Что за жизнь! Приличному человеку никуда невозможно выйти! Казалось бы, этот ресторан все хвалят, говорят, что здесь собирается приличная публика, но и здесь попадаются такие невоспитанные люди! Пуишечка, детка, не переживай, мамочка не даст тебя в обиду! Дорогой, ты же знаешь, тебе нельзя волноваться – у тебя понизится пушистость, и шерстка станет не такой блестящей, а у нас через месяц показ летней коллекции одежды!

Через несколько минут в зале был восстановлен порядок, только на резных листьях экзотического растения очень живописно красовались непонятно как залетевшие туда кусочки манго.

Усатый официант, успокоив человека с кейсом и наведя порядок на его столе, подлетел к даме с собачкой и проговорил:

– У вас все в порядке?

При этом он как бы случайно на секунду накрыл своей салфеткой объемистую сумку дамы, как цирковой фокусник накрывает свою шляпу платком, прежде чем извлечь из нее кролика или букет ненатуральных хризантем.

– Нет, у нас не все в порядке! – возмущенно ответила дама. – У нас далеко не все в порядке! Мой песик ужасно переволновался, вы видите – он до сих пор весь дрожит!

Если песик и дрожал, то только от жадности, с какой поглощал печенье. Тем не менее дама поднялась, бросила на стол несколько купюр, подхватила сумку, песика и направилась к выходу.

Песик был явно недоволен – он еще не успел доесть большую часть печенья.

Официанты замели осколки и смыли остатки мангового десерта с листьев непонятного экзотического растения, немногочисленные посетители поскорее удалились от греха подальше. В зале стало тихо и сумрачно, как прежде.

И вот тут лысоватый клиент с маленьким черным портфельчиком начал проявлять признаки нетерпения. Он ерзал на стуле и поглядывал на часы, не скрываясь, так что официант – тот, что первым схлестнулся с той самой дамой из-за собачки и оказался полностью прав, – сейчас, глядя на волнующегося клиента, и сам забеспокоился – не иначе, как клиент норовит удрать, не заплатив. Официант устроил бдительность и на всякий случай находился поблизости от подозрительного клиента, хотя в зал вошли две пожилые американские туристки в необъятных линялых джинсах и стеганых куртках и вот уж минут пять безуспешно пытались обратить на себя его внимание.

Еще двое посетителей остановились на пороге зала, оглядываясь, – мужчина приличной, но весьма скромной наружности держал под руку жену, беременную на последних месяцах – даже просторное пальто ничего уже не могло скрыть.

Официант отвел глаза от подозрительного клиента и устремился к вновь вошедшим, и в это время на пороге появилась еще одна посетительница – тетка лет сорока пяти. Тетка была без шапки, короткие волосы воинственно топорщились на темечке, щеки полыхали багровым, как закат в прерии. Дорогая норковая шуба, крашенная под леопарда, распахнулась, потому что все крючки были оборваны. Невежливо толкнув спутника беременной женщины, тетка устремилась в зал. Беременная отскочила в испуге – от вновь прибывшей несло жаром, как от доменной печи.

Топая, как целое стадо слонов, тетка устремилась к столику заждавшегося лысоватого мужчины с портфелем, сметая по дороге официанта.

– Ух! – Она с размаху шлепнула свою сумку на стул, так что черный портфельчик свалился на пол. Затем попыталась снять свою шубу, но тут лицо ее приняло задумчивое и отстраненное выражение, она сунула руку куда-то себе за спину, пошуровала там, и на стол вывалился скомканный норковый берет. – А я-то его искала! – Тетка посветлела лицом и наконец плюхнулась на стул, сунув шубу в руки подскочившему гардеробщику, вызванному официантом.

– Что вы так долго, – проворчал лысоватый мужчина, – все-таки время у меня ограничено, договаривались же на двенадцать...

– Пробки! – огрызнулась тетка. – Да еще гаишник, сволочь, пристал как банный лист! Промурыжил меня минут двадцать – то аптечку искали, то огнетушитель! Тебе чего? – Она схватила за рукав вертевшегося поблизости официанта. – Чего тут вертишься?

– Заказывать будете что-нибудь? – Официант попытался, стараясь вырваться из цепких рук.

– Водички принеси похолоднее! – приказала тетка. – А кофе не надо, и так с утра на нервах... Ну, что вы мне можете предложить? – спросила она, когда официант испарился.

– Я же сказал, что работа выполнена, – ответил мужчина и приосанился, – у меня не бывает проколов, вы же знаете, положение обязывает. С такими людьми приходилось встречаться... вы не поверите... и все были довольны, материал первоклассный...

– Давайте сюда ваш материал! – Тетка хищно протянула руки к черному портфелю.

– А деньги? – Мужчина дернулся назад, так что в его лысине отразился свет бронзового бра, и проворно спрятал портфель за спину. – Деньги против фотографий, как договаривались!

– Да было бы еще за что платить! – Чувствовалось, что тетка торгуется просто так, в силу привычки, на самом деле то, что в портфеле, ей очень нужно и за деньгами она не постоит.

Двое посидели немного молча, глядя друг на друга алчно и недоверчиво, потом пришел официант и налил тетке воды в высокий запотевший стакан.

Отпив водички, тетка удовлетворенно икнула и полезла в сумку за деньгами, мужчина наблюдал за ней очень внимательно.

– Эх, надо было с вас больше запросить! – вздохнул он, пересчитывая деньги. – Ну да ладно, у меня принципы. Как договаривались.

Не дожидаясь, пока он откроет портфель, тетка выхватила его из рук своего визави, распотрошила, едва не сломав замок, и наконец вытащила оттуда простую пластиковую папочку. Мужчина нахмурился было, но тетка уже высыпала на стол фотографии – очень качественные цветные снимки.

Снова за столом установилось недолгое молчание – тетка рассматривала фотографии, а мужчина застыл в изумлении. Ему было отчего впасть в ступор. По столу были рассыпаны фотографии хомяков – рыжих, белых, персиковых, цвета топленого молока, простых и ангорских, парами и в одиночку, в клетках и просто так, на полу. Хомяки кушали зернышки, лежали на кукольных диванчиках, бегали в колесе и просто позировали, как заправские фотомодели. И все это хомячье великолепие называлось «Выставка “Толстые щечки”», и располагалась выставка в Доме культуры имени Газа, о чем и сообщала аккуратная надпись под каждой фотографией.

Когда тетка подняла глаза на незадачливого сыщика, лицо ее было малиновым и щеки отвисли не хуже, чем у породистого ангорского хомяка.

– Это что такое? – проскрипела она, как колодезный ворот во время дождя. – Ты, паразит кишечный, что мне подсунуть хотел? Это что – шутка такая? Так я тебя отучу шутить!

– По... позвольте... – залепетал лысоватый, – это... это какое-то недоразумение... такого просто не может быть...

– Недоразумение? – Голос заказчицы набирал обороты. – Ты сам – мелкое недоразумение, плевок на асфальте! Ты кого облапошить хотел? Ты на что рассчитывал, слизняк ты капустный!

Американские туристки с большим интересом разглядывали бушующую тетку, хотя не понимали ни слова из разговора. Впрочем, ее пылающее лицо и бурный темперамент не нуждались в переводе.

Скромный мужчина с беременной женой, напротив, очень обеспокоился, но увести жену из ресторана боялся, так как для этого нужно было бы пройти мимо скандаливших посетителей. Официант, наученный горьким опытом, держался поодаль, не вмешиваясь в события, гардеробщик боязливо заглядывал в дверь.

– Да говорят вам, – вякнул лысоватый, – говорят вам, что в портфеле были качественные фотографии вашего мужа с посторонней девицей. А как эти грызуны тут появились, я понятия не имею! Хотя... вот и портфель не мой, этот слишком новый...

В доказательство он потряс перед теткой черным пластиковым портфельчиком.

– Что ты мне тут пургу гонишь? – Заказчица выхватила портфель у него из рук и не глядя отбросила в сторону, попав по иронии судьбы в голову скромно одетого мужчины, который, внимая умоляющему взгляду жены, подобрался поближе к скандалящим с намерением увещевать или хотя бы сделать замечание.

От неожиданности мужчина сел прямо на пол, потом поднялся с заметным трудом, ошупью нашел стул и отмахнулся от хлопчущей над ним жены.

– Я все понял! – завопил лысоватый. – У них тут одна шайка-лейка! Это все официант, он подменил портфели!

С этими словами он схватил бутылку с водой и бросился к официанту. Тот, однако, был калач тертый, не зря держался поодаль. Он мигом отскочил в сторонку и спрятался за многотрадальное экзотическое растение, так что лысоватый по инерции напал на хозяина ресторана, который вышел наконец в зал, чтобы узнать, что там за шум, и произвести очередную выволочку персоналу.

Лысый посетитель с размаху ударил его бутылкой в лоб, к счастью, получилось не больно, потому что бутылка была открыта, и вода разлилась по отлично сшитому дорожному костюму, да очки в золотой оправе слетели на пол.

Тут уж гардеробщик вспомнил о своих непосредственных обязанностях и прибежал на помощь хозяину. Вдвоем с подскочившим официантом они подхватили лысого под мышки и усадили на стул. Тут подскочила его заказчица с ворохом фотографий и отхлестала ими лысого по лицу со словами «Запомнишь меня надолго, подлец, мерзавец и жулик!».

Затем, расшвыряв стулья и опрокинув непонятное экзотическое растение, несостоявшаяся клиентка вылетела из ресторана, поддав напоследок гардеробщику коленкой под зад.

Лысый выругался неприлично, ощупал голову и осторожно приподнялся со стула. Появившийся официант поднял с пола очки в золоченой оправе и подал их хозяину. Лысый клиент, покачиваясь, побрел к выходу.

– Куда? – громогласно спросил его хозяин ресторана, с которого мигом слетела вся приветливость. – Куда это ты пошел, я спрашиваю? А платить кто будет за все это безобразие? Посуду побили, посетителей распугали, а возмещение за моральный ущерб? Вон, гляди, клиентка в шоке! – Он указал на беременную.

И дама, как бы специально дождавшись, когда на нее обратят внимание, тут же плюхнулась на диванчик, прижала руки к животу и закричала, что она рождает.

Пока вызывали «скорую», гардеробщик крепко держал лысоватого, чтобы он не удрал под шумок. Потом ему пришлось отдать все деньги, что были в наличии, да еще выслушать в свой адрес кучу самых неприятных эпитетов.

– Портфельчик забыли! – Гардеробщик угодливо протягивал портфель и папочку с фотографиями.

– Ай да провались оно все! – Лысый махнул рукой, снимки всею рассыпались по полу.

Тотчас американская туристка подхватила один снимок и заговорила что-то горячо и торопливо, тыча пальцем в фотографию и прижимая ее к груди.

– Что она несет? – устало поинтересовался лысый.

– Она говорит, – официант по долгу службы немного владел английским, – она говорит, что на снимке вылитая ее любимая хомячиха Дейзи, и просит оставить фотографию на память...

В темном переулке позади ресторана стояла нарядная бирюзовая машина.

Из задней двери ресторана, настороженно оглядываясь по сторонам, выскользнул мужчина с длинными усами, в котором нетрудно было узнать того официанта, который полчаса назад послужил невольной причиной переполоха.

Официант торопливо приблизился к бирюзовой машине, открыл дверцу и сел на переднее пассажирское место.

За рулем сидела та самая элегантная дама в норковом полушубке. На руках она держала чихуахуа, который приветствовал усатого мужчину веселым лаем.

– Ну, Лолка, где сумка? – проворчал мужчина, аккуратно отклеивая усы. – Времени осталось мало...

– И это все, что ты хочешь нам сказать?! – возмущенно перебила его дама. – Мы с Пу И с риском для жизни проделали всю основную работу, причем проделали ее, не побоюсь этого слова, блестяще, а ты вместо заслуженной благодарности и восхищения так вот холодно спрашиваешь – где сумка?

Леня Марков, известный в узких кругах под аристократической кличкой Маркиз, знал свою боевую подругу не первый год. Он понимал, что с ней нужно держать ухо востро и ни в коем случае не поддаваться на провокации, но тем не менее не сдержался и в который раз наступил на те же самые грабли.

– И в чем, интересно, заключался риск? – спросил он язвительно. – Ты что – рисковала подавиться манговой косточкой? Или набрать несколько лишних калорий? А Пу И мог обьесться ореховым печеньем? Да он, по-моему, и не в претензии... Единственное, о чем он жалеет, – это о том, что все слишком быстро завершилось!

Лола только и ждала его ответа, чтобы продолжить свой гневный монолог:

– Нет, все-таки я всегда знала, что ты черствый, бездушный, неблагодарный тип... Пу И, посмотри на этого человека! Он беззастенчиво использует твой труд, и все, чем за него отблагодарит тебя, – это равнодушие и бессердечность... а ведь использование твоего труда, Пуишечка, – это все равно что использование детского труда, которое давно запрещено во всех цивилизованных странах!.. А слова про лишние калории... я расцениваю их как гнусное оскорбление! Значит, по-твоему, я слишком толстая?

– Лолка, прекрати немедленно! – прикрикнул Маркиз на свою подругу. – Весь этот театральный монолог совершенно не смотрится в салоне машины! Я понимаю, тебе не хватает сцены, зрителей, аплодисментов, цветов... Ну, зрителей я тебе не могу обеспечить, при нашей работе они крайне нежелательны, а вот цветы... – Он сделал неувловимый жест и вдруг вытащил откуда-то из рукава букет чудесных пунцовых роз и протянул их своей спутнице.

– Ой, Ленечка, как здорово! – Лола захлопала в ладоши, мгновенно забыв обо всех обидах.

Впрочем, обиды эти были скорее вымышленными. Ей действительно немного не хватало сцены – ведь, до того как она познакомилась с Леной и они начали совместно работать, Лола была театральной актрисой.

Правда, театр был маленький и никому не известный, и Лола не была избалована успехом – но театр есть театр, тот, кто хоть немного поработал в нем, никогда не избавится от этого волшебства... Занавес, огни рампы, лица, глядящие из зала на сцену, аплодисменты, крики «Браво»... да разве такое возможно забыть?

Ах, как Лоле не хватало сцены! Но пришлось бросить все это, отказаться от славы и творчества ради работы с Маркизом. Правда, Леня, этот ужасный человек, утверждал, что Лола отказалась от театральной карьеры вовсе не ради него, а просто ей лень было вставать по утрам на репетицию и до смерти надоела зависть коллег по цеху.

Сам же Леня на заре своей карьеры окончил цирковое училище и несколько лет проработал в цирке в самых разных амплуа – от акробата и канатоходца до фокусника. Так что трюк с розами был для него вполне обычным.

– Ну, Лолочка, давай же наконец сумку! – проговорил Маркиз, отдав цветы напарнице. – Заказчик ждет...

– Да на, возьми ты свою сумку! – Лола вытащила из-под сиденья объемистое изделие фирмы «Луи Вуиттон» и придвинула его партнеру. – Только саму сумку, пожалуйста, не трогай, она мне очень нравится... Большая, в крайнем случае можно не только Пу И туда поместить, а еще и Аскольда...

Аскольд, угольно-черный кот с белыми лапами и манишкой, жил в квартире с Лолой и Маркизом и считался Лениным питомцем. То есть это Маркиз считал себя его хозяином, как думал сам кот, оставалось неизвестным, но относился он к Лене неплохо.

Маркиз торопливо открыл сумку и извлек из нее черный пластиковый кейс. Точно такой же, как тот, что лежал на коленях у нервного лысого мужчины в ресторане.

То есть, разумеется, это был именно тот самый кейс – в суматохе, поднятой совместно с Пу И, Леня под столом подменил настоящий кейс точно таким же, который Лола принесла в своей сумке. Вспомнив свой цирковой опыт, он спрятал кейс под салфеткой и затем убрал его обратно в сумку.

Теперь он положил кейс в полиэтиленовый пакет с надписью «Аэропорт Майорки», взглянул на себя в зеркало и, осторожно сняв темный парик, расчесал волосы.

Он приобрел наконец свое подлинное лицо – привлекательное, располагающее к себе, но совершенно не запоминающееся.

– Ну все, Лолка, я побежал! – Он выскочил из машины и помахал рукой: – Пу И, до вечера!

– И это все, что он может нам сказать! – проговорила Лола, чтобы оставить за собой последнее слово.

Впрочем, Маркиз его не услышал.

Лола с Пу И уехали на своей бирюзовой машине, Леня же пробежал два квартала и остановился на перекрестке. Тотчас подъехала неприметная «девятка» грязно-горчичного цвета, из которой выглянул молодой парень и пригласил:

– Садись, начальник! Мигом домчу, куда скажешь!

– Давай, Ухо, быстрее, неудобно опаздывать, заказчик ждет! – слегка запыхавшись, проговорил Маркиз.

– Да подождет, чего там! – лениво сказал Ухо, трогая машину с места. – Куда ему спешить-то?

– Ой, у него там какое-то дело срывается... А ты чего так долго тетку мурыжил?

– Да понимаешь, ну такая вредная попалась! Просто настоящая мегера! Пусть еще спасибо скажет, что я ненастоящий гаишник, а то объявил бы по всему городу, что ее «мерс» в угоне, и останавливали бы ее на каждом перекрестке.

Ухо был давнишним и близким приятелем Лени Маркиза. И человеком, для Лени совершенно незаменимым, потому что мог в считанные минуты угнать или позаимствовать на время любое транспортное средство – от детского самоката до огромного «КамАЗа». Однажды он угнал для дела инкассаторский броневик, еще раз – роскошный «бентли» пивного короля Обоева, а также джип крупного уголовного авторитета по кличке Круглый. Еще в активе у Уха были: пожарная машина, цементовоз, «мерседес» главного милицейского начальника с мигалкой, а также свадебный лимузин вместе с невестой, которой так понравилось кататься по городу, что потом Ухо никак не мог от нее отделаться.

Ухо умел не только угонять транспортные средства – он мог их также чинить, ремонтировать и доводить до ума. Попав в его руки, любая машина становилась гораздо лучше, чем была, когда сошла с заводского конвейера. Причем разбирался он не только в автомобилях и мотоциклах, но также в катерах, моторных лодках, снегоходах, водных мотоциклах, газонокосилках и снегоуборочных машинах – в общем, в любых устройствах, снабженных мотором. Когда по ходу одной операции Лене понадобился вертолет – с этим тоже не было проблем.

Ухо держал гараж и автомастерскую неподалеку от Обводного канала и проводил в этой мастерской все свободное время. В клиентах у него бывали разные люди, так что связями Ухо оброс очень и очень полезными, что, несомненно, было большим плюсом.

Словом, как помощник и ассистент Ухо для Маркиза был просто незаменим.

Именно он по просьбе Лени задержал ту самую скандальную заказчицу лысоватого частного сыщика, для того чтобы у Лолы с песиком было время с комфортом расположиться в том самом ресторане и Леня смог, переодевшись официантом, без проблем заменить портфели.

Все прошло отлично, и теперь Лене нужно было только вернуть подмененные снимки его заказчику.

– Дай хоть поглядеть, из-за чего сыр-бор, – любопытствовал Ухо, протягивая руку.

– Однако... – произнес он через некоторое время.

На снимках была интересная пара в самых раскованных сексуальных позах.

– Класс... – протянул Ленья, – девушка и вправду хороша...

Ухо равнодушно вернул фотографии, девушки его мало интересовали, его сердце давно и прочно было занято машинами.

– Вот тут меня высади, – сказал Маркиз, заметив на стоянке перед торговым центром черный джип, – ждет уже...

Ухо газанул и уехал, а Ленья прошел между машинами и подсел в черный джип, где с нетерпением ожидал его мужчина средних лет с густой седоватой шевелюрой. Мужчина был интересен, причем в одежде смотрелся гораздо лучше, чем на снимках, – все же возраст.

Он жадно выхватил из Лениных рук конверт и перебрал фотографии.

– Черт возьми! – выдохнул он и откинулся на сиденье. – Черт возьми!

– Все обошлось? – поинтересовался Ленья. – Вы успеете купировать неприятности?

– И как же я вам за это благодарен! – пылко воскликнул мужчина.

И, совершенно верно интерпретировав выразительный взгляд Маркиза, полез в карман за бумажником.

– Вы просто спасли мне жизнь! – говорил он, отсчитывая деньги. – Если бы эта ведьма, моя жена, получила эти фотографии, то обязательно явилась бы с ними завтра на заключение контракта. И устроила бы грандиозный скандал, уж она это умеет!

– Вы думаете, что ваши компаньоны не стали бы иметь с вами дела, руководствуясь таким в общем-то пустяковым предлогом? – усомнился Маркиз. – Ну подумаешь, застали мужчину с любовницей – ерунда какая. С кем не бывает, бизнес-то тут при чем?

– О, все гораздо сложнее! – Мужчина махнул рукой. – Один из компаньонов женат на ее сестре, а это такая уникальная стерва... хуже моей в сто раз!

– Да уж хуже некуда! – неуверенно сказал Ленья.

– Невероятно, но факт! – рассмеялся клиент. – Я как вижу эту мегеру, сразу же вспоминаю слова лесничего из старого фильма «Золушка», помните: «Ее родную сестру, точно такую же, как она, съел людоед! И отравился!» Так вот, в данном случае людоед и есть-то не стал бы, только попробовал – и бросил! Так что Михаил ни в коем случае контракт не смог бы подписать, женушка бы ему устроила потом такую веселую жизнь! И к тому же у моей жены половина всех акций фирмы, она тоже имеет право голоса... А она в последнее время как с цепи сорвалась – просто не дает мне ни минуты пожить спокойно. Стережет меня почище охраны! Частного сыщика наняла, этого Рысак!

– Однако если у вас такое сложное положение, раз уж ваш бизнес напрямую зависит от жены, то блюли бы ей верность, – не удержался Маркиз.

Обычно он не вникал в такие подробности и не позволял себе ничего обсуждать, моральные качества заказчика его абсолютно не касались, но тут был случай особый.

– Вы не представляете, как мы были осторожны! – воскликнул клиент. – Ума не приложу, как этот частный сыщик смог сделать такие качественные снимки!

– Видно, и вправду классный специалист этот Анатолий Рысак, – с удовлетворением отметил Маркиз, ему было приятно, что он обошел такого опытного и умелого человека, а не лоха какого-нибудь.

– Как думаете, он не оставляет негативы? – тут же обеспокоился клиент.

– Если даже и оставляет, после того, как обошлась с ним ваша жена, он ни за что к ней не обратится, – ответил Ленья, – засим позвольте откланяться, у меня дела.

Он вылез из машины и пошел прочь не оглядываясь. Дел у него, в общем, никаких особенных не было, просто не хотелось общаться с клиентом, который был Лене не слишком симпатичен. И Леня никогда бы не взялся за такое мелкое дело, но, во-первых, на поверку дело оказалось достаточно сложным, поскольку все решала скорость.

Клиенту удалось узнать, что у жены есть на него компрометирующий материал, буквально за несколько часов до встречи этой самой жены с частным сыщиком Анатолием Рыском. Так что на разработку и подготовку операции было очень мало времени, но Лола с Пу И выполнили свою часть работы отлично, Ухо тоже не подвел, а за себя Леня Маркиз всегда мог поручиться.

А во-вторых, Леню попросил о содействии его старый друг, соратник по работе в цирке, наставник и учитель Артур Альбертович Руо.

Когда Леня Марков бегал еще в коротких штанишках, с вечно расцарапанными коленками, как у всякого уважающего себя мальчишки, имя Артура Руо гремело на всю страну. Это имя было написано на афишах огромными буквами рядом с силуэтом человека в чалме и черной мантии, это имя мигало неоновой рекламой на крышах цирков разных городов нашей страны и всего мира.

Артур Альбертович Руо, как и его отец, Альберт Альбертович Руо, был иллюзионистом. И мастерство его достигло таких высот, что дети и с ними некоторые взрослые, побывав на его выступлении в цирке, всерьез считали его волшебником.

В самом деле волшебство есть не что иное, как иллюзия. Правильная, тщательно наведенная, яркая и красочная.

Когда Леня вырос из коротких штанишек, то поступил в цирковое училище. И окончил его, получив диплом престижитатора. Он умело показывал всевозможные карточные фокусы, жонглировал шариками, мог вытащить из шляпы букет искусственных хризантем, парочку голубей и белого ангорского кролика с розовыми глазами. За время работы в цирке Леня освоил также смежные профессии – мог ходить по канату, сумел бы за короткое время весьма качественно перепилить пополам симпатичную блондинку и даже пару раз ассистировал одной даме в номере с дрессированным питоном.

С Артуром Руо они неоднократно сталкивались в гастрольных поездках, тот заметил смышленного и способного Леню и посвятил его в некоторые секреты мастерства. Леня слушал очень внимательно и мотал на ус. Все эти вещи оченьгодились ему потом в дальнейшей жизни, когда пришлось сменить профессию.

Артур Альбертович по возрасту от дел отошел, но иногда являлся публике на каком-нибудь скромном мероприятии – к примеру, на банкете или званом вечере, где будут только свои – буквально двести человек. Знакомых у него было по прошлой жизни, да и сейчас, несчетное множество, нынешнюю профессию Лени Маркиза он считал вполне пристойной и частенько рекомендовал его разным людям, которым требовался ловкий, расторопный, находчивый и неболтливый человек для решения деликатных вопросов.

Леня со своей стороны Артуру Руо доверял и старался помочь его знакомым.

Вот и сегодняшний клиент был протеже Руо. И хоть, как уже говорилось, с самого начала он не слишком приглянулся Маркизу, ради своего старинного друга следовало ему помочь. Что Маркиз и сделал. А сейчас следует позвонить Артуру Альбертовичу и поскорее забыть об этом деле.

Но телефон зазвонил сам, и в окошечке высветилось имя Руо.

– Рад, Ленечка, очень рад, что все прошло успешно, – говорил старый артист, – впрочем, вы меня никогда не подводили...

– Артур Альбертович, чувствую, что у вас снова есть клиент по мою душу, – рассмеялся догадливый Маркиз.

– Уж и не знаю, как сказать... – судя по голосу, Руо пребывал в некоторой растерянности, – дело-то не совсем обычное...

– Ну уж коли вы позвонили... – несколько ворчливо сказал Маркиз.

Но тут же усовестился, потому что вспомнил, с каким блеском прошли гастролы Артура Руо лет пятнадцать назад в Новосибирске, как летали по воздуху шары и букеты, как высккивали из шкафа в количестве двадцати штук красавицы в блестках и с ними невесть как оказавшийся в шкафу контрабасист из циркового оркестра вместе со своим контрабасом, как в конце представления каждому ребенку упало с неба в руки по леденцовой конфете на палочке, и над всем этим великолепием, в ярком свете ламп, купаясь в звуках музыки и аплодисментах, царил маг, волшебник и чародей Артур Руо.

Нет, для такого артиста Леня готов был на многое.

– Что у вас за проблема, Артур Альбертович? – спросил он. – Выкладывайте!

– Да не у меня... – вздохнул Руо, – у меня, слава Богу, все в порядке, а если и возникнет какая-нибудь мелкая проблемка, от души надеюсь, что смогу решить ее самостоятельно.

«Не зарекайтесь!» – тут же подумал Маркиз, но промолчал, поскольку знал, что Артур Руо, как и всякий цирковой артист, был несколько суеверен. Тот, видно, и сам спохватился, что сказал лишнее.

– Ленечка, вы только не обижайтесь, – заторопился он, – не подумайте, что я не верю в ваши профессиональные возможности, просто какие у меня, старика, могут быть проблемы? Ничего сложного... А попросить я вас хотел вот о чем.

– Слушаю вас внимательно, – любезно сообщил Маркиз.

– Есть одна дама... – вымолвил Руо и надолго замолчал, так что Леня подумал даже, что прервалась связь. Однако в трубке слышно было дыхание собеседника и еще какие-то звуки – не то телевизор работал, не то домработница пела романсы, сметая пыль с многочисленных памятных сувениров, которые в изобилии были расставлены по всей квартире Артура Руо.

– Хм... – Леня вежливо кашлянул в трубку, и старик наконец проявился:

– Так вот, эта дама... Простите старика, Ленечка, но я просто не могу говорить о ней спокойно. Когда я был так же молод, как вы сейчас, я был влюблен. Ее звали Саломеей, вы представляете? Боже мой, что это была за женщина! Огненный вихрь, знойный ветер пустыни, сирокко! Я совершенно потерял голову от любви к ней, она царила в моих мыслях и снах, она все время стояла у меня перед глазами, ее дивный голос слышался у меня в ушах, я потерял аппетит и похудел на восемь с половиной килограммов! Так любить можно только в юности, и вы сейчас такой же, как я, вы поймете меня лучше чем все остальные.

Леня Маркиз пожал плечами, радуясь, что Руо его не видит. Неужели у старика ум за разум зашел и он считает, что тридцать шесть лет, а ровно столько исполнилось Маркизу в прошлом месяце, – это для мужчины юный возраст?

Леня Маркиз любил женщин, за что ему частенько доставалось от его боевой подруги и соратницы Лолы. Не то чтобы Лола его ревновала, ведь когда они заключали свой деловой союз, Леня поставил твердое условие: ни в коем случае не смешивать работу с удовольствием, иными словами, они с Лолой живут и работают вместе, помогают друг другу, но сохраняют личную свободу. Лола тотчас согласилась – не больно-то и хотелось, но отчего-то принимала Лениных временных подружек слишком близко к сердцу.

Волей-неволей пришлось ограничить общение с подружками до минимума. К слову сказать, Маркиз не слишком страдал. И уж совершенно не мог представить себе, что может влюбиться в женщину без памяти, чтобы страдать и мучиться, видеть ее во сне, а уж потерять от любви аппетит и похудеть на восемь с половиной килограммов – это вообще ни в какие ворота не лезет!

– Так что же случилось с дамой вашего сердца, Артур Альбертович? – осведомился Маркиз с ноткой недовольства в голосе. – Надеюсь, она здорова?

– Разумеется, здорова, – абсолютно трезвым голосом отозвался Руо, – в противном случае я обратился бы не к вам, а к врачу – к счастью, Саломея Леонардовна жива, здорова и прекрасно себя чувствует! Но кажется, у нее что-то пропало... или, наоборот, появилось, я не понял, и ей требуется такой человек, как вы, – умный, ловкий и находчивый, чтобы решить эту маленькую проблему.

– Так-так... – тихонько проговорил Леня, – стало быть, проблема небольшая...

Такими деликатными словами Руо давал понять, что денег Маркиз за эту работу не получит. Или получит, но немного. Леня хотел было отказаться и по поводу неизвестной пропажи посоветовать обратиться к частному сыщику – да хоть к тому же Анатолию Рысаку, человек знает свое дело, так что можно смело его рекомендовать. Однако тут же он вспомнил, какие замечательные гастроли были у Артура Руо в одна тысяча девятьсот восемьдесят первом году во Владивостоке, как он мастерски переносил девушку из одной телефонной будки в другую, на противоположной стороне арены, как беседовал одновременно с четырьмя говорящими головами – мамой, папой, бабушкой и внуком (куда до него профессору Доуэлю!), как превращал воду в шампанское, а обыкновенную подушку – в корзину с фруктами, и решил, что для такого замечательного артиста он согласен на многое, даже утешать старушку. Что там у нее пропало-то? Очки или набор для вязания? Найдем...

Леня нажал на кнопку звонка, и за дверью раскатилась заливиная соловьиная трель.

– Иду-у! – послышался тут же мелодичный голос.

«Странно, – подумал Маркиз, – Руо говорил, что старушка живет одна, а тут явно присутствует какая-то молодая особа... впрочем, возможно, она у нее просто гостит...»

Дверь распахнулась.

В первый момент Лене показалось, что на пороге стоит молодая женщина, но потом, когда его глаза привыкли к освещению, он разглядел даму несомненно преклонного возраста, как минимум на восьмом десятке, но хорошо сохранившуюся, с прекрасной осанкой бывшей балерины и со следами былой красоты.

– Здравствуй, молодой человек! – проговорила дама приятным звучным голосом, при этом с интересом разглядывая Леню. – Я полагаю, вы Леонид?

– Совершенно верно. – Леня церемонно поклонился и еле удержался, чтобы не щелкнуть каблуками. – А вы – Саломея Леонардовна? Меня прислал к вам Артур Альбертович...

– Милый молодой человек! – Дама улыбнулась. – Он не забывает старуху!

– Ну что вы, разве вас можно назвать старухой! – галантно воскликнул Маркиз.

Он хотел добавить, что Артура Альбертовича Руо также довольно трудно назвать молодым человеком, но вовремя удержался. Такое замечание могло бы косвенно указать хозяйке на ее собственный возраст.

– Вы тоже милый. – Дама слегка шлепнула Леню по руке. – Но я уже не стесняюсь своего возраста. Однако что же это я держу вас в прихожей! Пойдемте, мой друг!

Они прошли в большую светлую комнату.

В этой комнате царил черный рояль, на крышке которого стояли букет начинающих вянуть роз в голубой фарфоровой вазе и фотография юной красотки в серебряной рамке.

– Вот это я! – провозгласила хозяйка, показав на фотографию. – Трудно поверить, не правда ли?

– Что вы! – галантно возразил Леня. – Вы совершенно не изменились! Ну, почти не изменились...

– Лгунишка! – Дама довольно засмеялась. – Не хотите ли выпить рюмочку коньяку? У меня есть очень хороший коньяк, его привез из Франции Владимир Семенович. Тоже был милый молодой человек! Жаль, рано умер – в восьмидесятом году... Ну, вы, конечно, знаете...

– Неужели... – Леня захлопал глазами, хотел переспросить, но постеснялся. А хозяйка уже наливала коньяк из темной запыленной бутылки в две крошечные рюмочки зеленого стекла.

– Будем здоровы! – проговорила она, подняв свою рюмку. – Впрочем, в ваши годы о здоровье еще не задумываются.

Леня выпил коньяк (он оказался неожиданно хорош) и еще раз, более внимательно, оглядел комнату.

Мебель в ней была антикварная – два массивных кресла со звериными лапами, круглый столик на резной ножке, стеклянная горка с фарфоровыми безделушками, диван с прямой деревянной спинкой. По стенам были развешаны пожелтевшие афиши, фотографии в деревянных рамках, несколько картин.

Одна из этих картин представляла собой женский портрет. Изображенная на нем красавица в зеленоватом шелковом платье сидела на открытой веранде, залитой утренним солнцем. В ее лице было несомненное сходство с фотографией на рояле.

– Да, это мой портрет работы Андрея Николаевича! – произнесла Саломея Леонардовна с гордостью, проследив за Лениным взглядом. – Он ухаживал за мной, но я отдала предпочтение Виктору Романовичу... это мой первый муж.

Леня хотел было спросить, кто такой Андрей Николаевич, но постеснялся показать свою неосведомленность. Ему показалось, что написанные в похожей манере портреты он видел в Русском музее, а может быть, даже в Эрмитаже...

– Ах, какое было дивное время! – проговорила пожилая дама, поднявшись и облокотясь на рояль. Поправив волосы кокетливым жестом, она пропела: «Целую ночь соловей нам насвистывал...» – Оборвав романс, подошла к стене и показала на фотографии: – Вот здесь я с Михаилом Афанасьевичем... а здесь – с Константином Сергеевичем... а здесь – с Рубеном Николаевичем...

У Лени слегка закружилась голова – то ли от коньяка, то ли от удивления. Впрочем, от такой капли коньяка это маловероятно... Допустим, Михаил Афанасьевич – это Булгаков, Константин Сергеевич – Станиславский... однако! Да быть не может! А кто такой Рубен Николаевич? Лица на фотографиях были мелкие и все какие-то похожие – прилично одетые мужчины, завитые женщины – кажется, это называлось перманент...

– Да, мой друг, – скромно улыбнулась дама, – вот с какими людьми свела меня судьба! Я и сама иногда не верю... именно поэтому так важно *их* вернуть!.. Но я надеюсь, что вы справитесь. Артур Альбертович говорил, что вы очень способный... а он разбирается в людях! И вообще, он очень милый молодой человек... Ах да, я вам это уже говорила!

– Вернуть *их*? – выделил Леня главное в словах своей собеседницы. – А что значит – *их*?

– Как, Артур вам не сказал? – Дама удивленно подняла брови. – Речь идет о моих дневниках. Представляете – они пропали! Я вела их всю жизнь, в самые трудные годы, в них я писала о людях, с которыми мне довелось встретиться, а это, уверяю вас, были такие люди! Такие люди! – Она округлила глаза и театральным жестом подняла руки. – Не только те, кто изображен на этих фотографиях, но и те, чьи фотографии я не могла хранить! Вы меня понимаете?

Маркиз немного заскучал.

Искать старые тетрадки, которые где-то посеяла свихнувшаяся старуха, – это не его амплуа! Конечно, его просил об этом Артур Альбертович Руо, а он человек замечательный, Леня многим ему обязан и уважает его как артиста...

– А что случилось с вашими дневниками? – осторожно поинтересовался Леня. – Возможно, вы их просто куда-то убрали, наводя порядок в доме? И забыли, куда именно?

– Молодой человек, у меня еще нет склероза! – строго проговорила Саломея Леонардовна, недовольно поджав губы. – Если я говорю, что мои дневники украли, – значит, их украли!

– Но почему вы так в этом уверены?

– Во-первых, они всегда лежали в одном и том же месте... – начала дама чуть обиженным голосом.

Леня хотел возразить, что тоже обычно кладет свои вещи на постоянные места, но тем не менее они часто теряются. Особенно после того, как Лола затевает генеральную уборку. Или Пу и с Аскольдом захотят поиграть в футбол...

Но старуха не дала ему вставить слова, она продолжила:

– И во-вторых, похититель связался со мной. Думаю, если бы я по старческой забывчивости сунула дневники в морозилку, этого бы не произошло...

– Ах вот как! – удивленно проговорил Маркиз. – Ну это, конечно, меняет дело...

– Вот именно! – Саломея Леонардовна смягчилась. – Он связался со мной по телефону, назвал цену, за которую вернет дневники, и сказал, что будет еще раз звонить, чтобы окончательно обговорить условия передачи. Поэтому я и попросила Артура Альбертовича, чтобы он нашел порядочного человека, которому можно доверить это дело. Сама я, знаете ли, все-таки старовата для таких приключений... – Она взглянула на маленькие золотые часики и воскликнула: – Кстати, он вот-вот должен позвонить! А пока не хотите ли еще рюмочку коньяку?

– Нет, спасибо, – отказался Леня. – На работе я не пью...

– А я, с вашего позволения, выпью... – Саломея Леонардовна налила в свою рюмочку еще немного коньяка, лихо выпила его и запела: – «Белой акации гроздь душистые ночь напролет нас сводили с ума...»

И в эту самую секунду зазвонил телефон.

– Это он! – Саломея Леонардовна почему-то перешла на шепот. – Сейчас я ему отвечу! – Она сняла трубку и проговорила своим мелодичным голосом: – Слушаю вас!

Некоторое время она действительно молча слушала, а потом проговорила несколько раздраженно:

– Я все же не так юна и спортивна... сейчас я передам трубку моему доброму другу, и он с вами обо всем договорится.

Она протянула трубку Маркизу. Леня прижал трубку к уху и услышал странный приглушенный голос:

– Ты еще кто такой?

– Дама сказала вам кто. Я ее друг.

– Ладно, друг! – в трубке хмыкнули. – Приезжай сегодня в час ночи на автозаправку на Поклонной горе. Знаешь ее?

– Знаю, – коротко ответил Маркиз.

– Ну и ладушки. При ней есть круглосуточный кафетерий, я тебя там буду ждать. Дневники против денег, понятно?

– Понятно! А как я вас узнаю?

– У меня будет журнал «Коневодство». – Ленин собеседник хмыкнул. – А ты прихвати журнал «Искусство кино»...

Маркиз хотел еще что-то уточнить, но из трубки уже доносились короткие сигналы отбоя.

– Ну, Леонид, вы договорились? – взволнованно спросила его Саломея Леонардовна.

– Да вроде бы договорились... А что насчет денег? Он сказал, что отдаст дневники только в обмен на них и что сумму вы с ним уже обсудили...

– Совершенно верно. – Хозяйка открыла изящный шкафчик красного дерева и протянула Маркизу конверт: – Здесь вся сумма, три тысячи долларов... ваш гонорар я передам вам по возвращении.

– Ну, если вся моя работа заключается только в этой встрече, я обойдусь и без гонорара. Вы мне симпатичны, и Артур Альбертович – мой старый друг...

– Нет, Леонид, не ставьте меня в неловкое положение! Я обратилась к вам за помощью, а всякий труд должен быть оплачен. Кроме того, не думайте, что я нищая старуха...

– Ладно, мы это обсудим позднее, – прервал ее Ленья. – А сейчас скажите, как выглядят ваши дневники. Я хочу убедиться, что меня не обманут при обмене.

– Две обычные общие тетради по девяносто шесть листов. В черном коленкором переплете... Не хотите выпить еще за удачное окончание дела?

– Ну разве чуточку... – смягчился Ленья.

Старуха снова лихо опрокинула рюмку и вдруг запела:

– «Милый маркиз...»

Ленья вздрогнул – неужели Артур Альбертович разболтал старой даме, кто он такой и чем известен в узких кругах? Очень неразумно...

– «Милый маркиз, – пела старуха, – вы первый приз сумели за-аслужить. И за слепоту, и за глухоту извольте по-олучить!»

С этими словами, подкравшись сзади, она надела на Ленью шелковую театральную маску.

«Дурдом!» – успел подумать Ленья.

– Удивлены? – звонко засмеялась Саломея Леонардовна. – Это мой коронный номер, ария Адели из оперетты «Летучая мышь». Вот, глядите! – Она протягивала старую пожелтевшую фотографию. – Вот я, вот Епифанцев в роли князя Орловского – какой был артист! Кумир всего женского населения нашего города! А это Мила Юткевич в роли Розалинды.

Маркиз успел разглядеть, что все люди на снимке были в масках – таких же, какую надела на него старуха. Он потянулся снять маску, но Саломея придержала его руку и запела:

– «Виноваты – а-ха-ха – в этом сами – а-ха-ха – и смеются – а-ха-ха – все над вами – а-ха-ха-ха...»

«Полный дурдом, – подумал Ленья, – я-то что тут делаю...»

– В общем, я пойду, – сказал он, снимая маску, – уж ночью вас беспокоить не буду, утром заеду, привезу вам ваши дневники...

Старуха совершенно заморочила Маркизу голову, и он забыл постучать по дереву, чтобы не спугнуть свою удачу.

Ленья подъехал к Поклонной горе без пяти час.

Возле заправки действительно был небольшой круглосуточный магазин с кафетерием. Поставив машину чуть в стороне, Ленья взял в руку журнал «Искусство кино», толкнул дверь и вошел в кафетерий.

Там было на удивление чисто и даже приятно пахло кофе, а не подгорелыми макаронами и дешевым средством для мытья полов. Столики из белого и красного пластика чередовались в шахматном порядке, на них стояли стаканы с салфетками, на белом – красные, а на красном – соответственно белые. Немало подивившись такому благолепию на обычной заправке, Ленья усмехнулся про себя, сел в угол за красный столик и неторопливо огляделся.

Несмотря на поздний час, заведение не пустовало.

За одним столиком сидели двое мрачных братков с бритыми затылками и маленькими злыми глазками. Они пили пиво и время от времени перебрасывались односложными репликами.

За другим столиком, в углу кафетерия, молодая пара выясняла отношения. Растрепанная девица со смазавшейся тушью под левым глазом говорила что-то громко, но неразборчиво, а парень отворачивался от нее, втянув голову в плечи.

И наконец, в дальнем от входа конце зала сидел унылый тип с трехдневной щетиной на лице и родимым пятном на щеке, перед которым на столике стояла чашка кофе и лежал журнал «Коневодство» с восхитительным вороным конем на обложке. Ленья встретился взглядом с разбитной девицей за стойкой, она сделала знак руками, чтобы заказывал – нечего просто так

за столиком рассиживаться, хоть и ночь на дворе, а не положено. В свою очередь, он также жестами показал, чтобы сварила чашку кофе покрепче, а сам пересек помещение и подошел к небритому типу, демонстративно помахивая своим журналом.

Он без приглашения уселся за стол и проговорил вполголоса:

– Ну, вот и встретились два одиночества. Давай дневники, и разбежимся по-хорошему. У меня дел много...

– Ладно, ты, деловой! – прошипел незнакомец. – Деньги-то при тебе?

– А как же! – Леня похлопал себя по карману. – Только сначала покажи мне тетрадки!

– Что-то мне не нравится здешняя публика. – Небритый покосился на братков. – Вот как мы сделаем. Я сейчас выйду в туалет, ты пережди минуту, чтобы не вызывать подозрений, и подходи туда же. Там безопаснее, там и произведем обмен!

– Как скажешь! – Леня пожал плечами, но про себя подумал, что этот воришка слишком много смотрит кинобоевиков и из любой ерунды делает проблему. Казалось бы, чего проще – поменяться пакетами и разошлись... ну ладно, если ему хочется поиграть в секретного агента, можно и подыграть...

Небритый поднялся из-за стола и направился за стойку. В руке у него был обычный полиэтиленовый пакет.

Леня взглянул на часы, подождал немного, неторопливо отпивая вполне приличный кофе, полученный от девушки за стойкой.

Пара за угловым столиком от слов перешла к делу. Девушка с размазанным глазом толкала парня в плечо, он отодвигал свой стул до тех пор, пока не уперся в стену, девушка боднула его головой, парню, видно, все надоело, и он не глядя сунул ей кулаком куда придется. Пришлось по носу, девушка дернулась и успела отскочить в самый последний момент, но опрокинула стакан с томатным соком и вляпалась локтем в лужу. И хоть красный томатный сок неплохо смотрелся на белом пластике, девушке такое сочетание отчего-то не понравилось, она взвизгнула и принялась оттирать локоть салфеткой.

Леня сообразил, что сейчас девушка побежит в туалет, и поскорее пошел следом за незнакомцем.

За стойкой находилась неприметная дверь с двумя понятными буквами – WC. Леня толкнул эту дверь и вошел внутрь.

Туалет был довольно чистый, отделанный голубым кафелем. Две кабинки, две раковины, сушилка для рук.

И никого.

Но ведь Леня своими глазами видел, как тот тип зашел сюда... и потом, какой ему смысл скрываться, если он сам назначил Лене эту встречу? Ему же нужны деньги?

А может быть, он находится в одной из кабинок?

– Эй, коллега! – негромко проговорил Леня. – Ты там как – надолго?

Ответа не последовало.

Маркиз недоуменно пожал плечами.

Двери кабинок доходили почти до самого пола, поэтому снаружи нельзя было понять, есть ли в них кто-нибудь. Тогда Леня толкнул одну из дверей.

Кабинка была пуста.

Леня толкнул вторую дверь, но ей что-то мешало, и дверь явно сопротивлялась Лениным усилиям.

– Эй, ты чего? – Леня нажал чуть сильнее, дверь открылась...

В первый момент Маркиз подумал, что у него от недосыпа начались галлюцинации. Он зажмурил глаза, снова их открыл...

Но от этого ничего не изменилось.

Внутри кабинки вниз головой висел человек. Он был подвешен за одну ногу к водопроводной трубе, вторая нога безвольно свисала, согнутая в колене. Все вместе напоминало рисунок карты «Повешенный» из малого аркана колоды таро.

Увиденная картина настолько удивила Леню, что он в самый первый момент даже не понял, кто перед ним висит. Только взяв себя в руки и приглядевшись, он разглядел небритые щеки, родимое пятно и узнал того человека, с которым только что разговаривал за столиком кафетерия.

– Ох, ни фиги себе! – проговорил Леня вполголоса и наклонился, чтобы проверить пульс повешенного.

Как он и подозревал, пульса не было.

Небритый тип был мертв.

Кстати, не было не только пульса. При нем не было и того пакета, который Леня только что видел в его руке. Пакета, в котором, судя по всему, были старушкины дневники...

– Мама миа! – выдохнул Леня и огляделся по сторонам.

Пакета нигде не было.

И тут Леня понял сразу несколько очень важных вещей. Первая из них – старухины дневники представляют большую ценность. Настолько большую, что из-за них даже убили человека.

Хотя, казалось бы, проще было заплатить ему – в конце концов, три тысячи долларов не такая большая сумма, чтобы из-за нее идти на убийство.

А может быть, этого человека убили вовсе не из-за дневников? Может быть, на него случайно наткнулся наркоман, готовый на все ради дозы, и убил этого человека из-за содержимого его карманов, а пакет с дневниками взял заодно...

Чтобы проверить эту гипотезу, Маркиз осторожно ощупал одежду мертвеца.

Его карманы были пусты – ни бумажника, ни документов...

Проверяя карманы убитого, Леня нечаянно дотронулся до его руки. Она была еще теплой...

Леня невольно вздрогнул от этого прикосновения. Ему показалось, что мертвец сам прикоснулся к нему, словно хотел что-то сказать. Леня опасливо взглянул на мертвую руку и увидел на запястье татуировку. Довольно необычную татуировку – синий скорпион в красной зубчатой короне...

Ядовитый хвост скорпиона был угрожающе поднят, как будто он хотел нанести Лене смертельный удар.

И тут Маркиз осознал вторую важную вещь.

Ему действительно грозит серьезная опасность.

Он находится рядом с трупом, и если его кто-то здесь застанет, то именно на него и падет подозрение в убийстве... ведь сюда не заходил никто, кроме него, – он сам не спускал глаз с этой злополучной двери и заметил бы любого, кто в нее вошел...

Вот черт! Влип так влип...

Короче, надо отсюда удирать как можно быстрее.

Но как?

Леня огляделся. Ведь тот, кто убил этого человека, должен был как-то сюда войти и, совершив убийство, каким-то образом выбраться отсюда...

За дверью туалета слышались приближающиеся шаги. Еще совсем немного – и кто-то сюда войдет, увидит труп и Леню рядом с ним, поднимет шум... Скорее всего та девка, что облилась томатным соком, уж эта заорет так заорет, стены рухнут!

Дело шло на секунды.

В углу туалета было маленькое окошко, замазанное белой краской. В другое время Леня не стал бы и пытаться выбраться через него – окошко было на первый взгляд слишком маленьким. Но теперь ему приходилось хвататься даже за соломинку.

Первым делом он плотно закрыл дверь кабинки, чтобы человек, вошедший в туалет, не сразу заметил труп. Это могло дать ему полминуты, а то и несколько минут запаса.

После этого, вспомнив свое цирковое прошлое, Леня открыл шпингалет, распахнул окошко, подтянулся и высунул голову наружу.

Вдохнув холодный ночной воздух, он приободрился и вспомнил фразу из сказки Андерсена: если прошла голова, то и все остальное тоже пролезет...

Однако это оказалось не так просто: голова-то пролезла, а плечи застряли. А это все Лолка, подумал Леня в раздражении, – постоянно гоняет его в тренажерный зал качать мышцы, вот и накачал, так что теперь ни в одно окно не пролезть. Нет, при его профессии гибкость гораздо важнее, чем сила...

Он выдохнул, извернулся, выставил одно плечо вперед... и каким-то чудом проскользнул в окошко.

Ловко спрыгнув на землю, Леня огляделся.

Он находился позади автозаправки, на самом краю Поклонной горы.

Под ним виднелся заснеженный склон, круто спускающийся к Суздальским озерам. Позади, за заправкой, раздавались обычные звуки ночного города, проносились по Выборгскому шоссе машины.

Там, немного в стороне, стояла и его машина.

То есть, конечно, вовсе не его: Леня в который раз порадовался, что не поехал на эту встречу на своей собственной машине, а попросил Ухо угнать какое-нибудь неброское транспортное средство.

Так что теперь, если кто-то из посетителей или сотрудников заправки даже запомнил марку и номер этой машины, это не приведет милицию к ним с Лолой...

На заправке пока было тихо, из чего Леня сделал вывод, что труп еще не найден.

Он отряхнул одежду и, воровато оглядываясь, пробрался к машине, сел в нее и поехал как мог быстро.

Машину он бросил в нескольких кварталах от своего дома и оставшийся путь проделал пешком. Это его взбодрило и даже немного успокоило.

Дома, разумеется, все уже крепко спали.

Из Лолиной комнаты доносилось негромкое повизгивание – это Пу И снилось, что он спаниель и хозяйева взяли его на охоту.

В Лениной комнате была тишина, но когда он полез в кровать, оттуда раздалось возмущенное шипение – оказывается, Аскольд, воспользовавшись его отсутствием, вольготно расположился поперек кровати и теперь совершенно не хотел уступать хозяину место...

Они кое-как договорились с котом о разделе территории (то есть Аскольд милостиво уступил Лене самый краешек кровати), и Леня провалился в глубокий сон.

Ему снилась ожившая колода карт таро – Отшельник с горящим фонарем в руке брел по дороге, то и дело останавливаясь и оглядываясь по сторонам, Шут бежал вприпрыжку, высывая язык и дребезжа бубенцами своего пестрого колпака, величественно шествовал Император в золотой короне, следом за ним кралась костлявая Смерть, опираясь на суковатый посох... а вверху, на холме, возвышалась виселица с Повешенным... Как тот человек на ночной заправке, он был повешен за одну ногу и медленно раскачивался на ветру...

Леня проснулся с головной болью, на сбившихся, скомканных простынях. Аскольда уже не было – видимо, беспокойный сон хозяина его тревожил, и кот удалился на кухню.

Леня поднялся, кое-как сделал зарядку (по сокращенной программе) и отправился под душ.

Сильные струи контрастного душа вернули ему хорошее самочувствие и свежую голову.

Он решил, что не все так плохо и ему, может быть, даже повезло: по крайней мере теперь он ни за что не станет заниматься этими чертовыми дневниками. Да уже и нужды в этом нет: наркоман, который убил этой ночью человека с родимым пятном (или не наркоман, но это уже не важно), наверняка уже выбросил старухины дневники в ближайший мусорный бак, купил себе дозу и успокоился.

А ему, Лене, нужно отдать старухе ее деньги и в вежливой форме дать ей понять, что он больше не занимается ее делами.

– Что-то ты, Ленечка, сегодня бледный, под глазами тени... – заботливым голосом проворковала Лола, подавая ему вторую порцию оладий, щедро политых сметаной, – ты, часом, не заболел или просто спал плохо?

Лола всегда чувствовала, когда у него неприятности, тут ее никак нельзя было обмануть. От ее внимания не ускользнул поздний уход ее компаньона, и хотя еще более позднее его возвращение она благополучно проспала, утром Лола прекрасно знала, что Маркиз явился очень поздно и дела его не в лучшем состоянии. А в том, что Леня ночью уходил куда-то именно по делу, Лола была уверена.

«Кот, что ли, ей рассказал?» – вяло подумал Леня, у него не было сил что-либо скрывать.

Кот лежал на пуфике возле батареи и держался индифферентно, а точнее, просто спал. Попугай Перришон, их третий питомец, сидя в клетке, хитро посматривал через прутья.

Лола же, прекрасно изучившая своего компаньона и боевого соратника за два с половиной года совместной жизни, знала, чем его взять. Как всякий мужчина, Леня был падок на ласку и вкусную еду. Поэтому Лола встала пораньше и напекла оладий по рецепту ее замечательной черноморской тетки Калерии Ивановны. Лолина тетя гостила у них полгода назад, и с тех пор Леня никак не мог забыть замечательную теткину кулебяку и пирог с рыбой, а также запеченную баранью ногу, и гуся в яблоках, и фаршированные помидоры, а борщ-то, дивный украинский борщ, густой и красный и непременно с пампушками!

Оладьи были не простые – развела блинную муку водой, да и плюхнула тесто на сковороду. Тетя Калерия Ивановна такого не признавала. Нет, по ее рецепту полагалось завести дрожжевую опару, и когда тесто поднимется, то оладьи получаются большие и воздушные, на большой тарелке их помещается всего две штуки.

– Да, что-то голова тяжелая, – пожаловался Леня и алчно глянул на оладьи. – А варенья нету?

Лола подала ему диетический лимонный джем без сахара. Леня ел ужасающе много и ни капельки не толстел, он утверждал, что вся еда тотчас перерабатывается в его организме в умственную энергию и ничего не откладывается лишнего. Глядя на своего подтянутого компаньона, Лола верила, что так оно и есть.

Сама она после долгих размышлений решила съесть одну оладью, тут-то и пригодился диетический джем. Маркиз облизал ложку из-под сметаны, и не успела Лола ахнуть, как он тут же запустил ее в джем, зачерпнул и положил в рот. С чувством глубокого злорадства Лола увидела, как скривилась физиономия ее компаньона.

– Кисло! – недовольно пробурчал он. – Что это за гадость химическая? Теткино варенье дай!

Лола открыла было рот для решительного отказа, но тут вспомнила, что на прошлой неделе тетя Каля прислала им с оказией через знакомого проводника посылку с вареньем и вялеными фруктами.

– Калер-рия... – нежно проворковал попугай, он сильно уважал тетю за грецкие орехи и миндаль, присылаемые в сентябре мешками.

Лола тяжело вздохнула и вынула из буфета трехлитровую банку варенья из райских яблочек. И пока она перекладывала теткино варенье в красивую хрустальную вазочку, этот ужас-

ный тип Леняка успел вытащить три яблочка из банки прямо за хвостики и съесть их тут же, не отходя от кассы, точнее, от буфета.

Положив на оладьи три ложки варенья и смешав его со сметаной, Леня попробовал, сказал, что все равно кисло, и добавил еще столовую ложку теткингого меда.

– Извини, – ядовитым голосом заметила Лола, – я не купила сгущенки. И шоколадного масла, а то бы ты и их в тарелку положил!

– Слушай, дай поесть спокойно! – буркнул Маркиз. – Вечно норовишь влезть со своими нравочениями.

Лола мгновенно обиделась. Вот результат ее трудов и заботы! Черная неблагодарность и обычное мужское хамство!

– Гр-рубиян! – поддакнул из клетки попугай, который всегда вставал на Лолину сторону, и даже кот, проснувшись, приоткрыл один глаз и поглядел неодобрительно.

Леня доел оладьи, отмяк душой и понял, что перегнул палку.

– Дорогая, – нежно произнес он, – ты у меня просто волшебница! Все так вкусно...

– Опять где-то шляется полночи, – ворчливо ответила на это Лола, – не меня, так хоть бы кота своего пожалел, он просто извелся весь, тебя дожидаясь.

И хотя Маркиз прекрасно знал, что кот спокойно проспал полночи в его теплой постели, он сделал вид, что встревожился, и прижал руки к сердцу.

– Лолочка! – сказал он, глядя на свою партнершу такими же проникновенными глазами, какими глядел бывало на хозяина кот Аскольд, когда пытался внушить ему, что все часы в доме безнадежно отстают и время кормления наступило уже давно. – Лола, дорогая, неужели ты действительно думаешь, что я прожигал жизнь в каком-нибудь ночном клубе или казино?

Так как Маркиз и в самом деле был сегодня утром не в лучшей форме, этот вопрос прозвучал не слишком убедительно.

– А что мне прикажешь думать? – отвечала Лола так же без должного накала. – Ты ушел и пропал! И ничего мне не сказал!

Леня понял, что придется во всем признаваться, иначе Лола не отстанет.

– Ну, в общем... – Он отпил холодного чаю и вкратце рассказал своей боевой подруге все, что случилось с ним после вчерашнего разговора с Артуром Руо.

Лола поняла, что настал ее час.

– Ну, Ленечка, – начала она вроде бы спокойно, – видала я всяких остолопов, но ты среди них занимаешь первое место!

– Это почему же? – нахмурился ее компаньон.

– А потому, что ты вечно вляпываешься во всякие криминальные истории! – возмущенно гремела Лола. – И это благодаря твоим сомнительным друзьям!

– Но-но! – возмутился Маркиз. – Это ты Артура Альбертовича называешь сомнительным типом?

Лола относилась к Артуру Руо очень хорошо, уважала его как артиста и знала, как Леня к нему привязан.

– Да я вовсе не его имею в виду, а эту бабку! Вот что ты о ней знаешь? Что Руо был влюблен в нее лет пятьдесят назад?

Леня в который раз поразился, до чего Лолка проницательна, ведь он и сам думал примерно то же самое. Ведь Артур признался, что не видел эту самую Саломею много лет.

– Ладно, – твердо сказал он, – все это уже не имеет значения. Я сейчас еду к старухе, верну ей деньги и распрощаюсь по-хорошему. Что там случилось с тем типом на заправке, нас больше не должно волновать.

Именно с такими намерениями Леня приехал к Саломее Леонардовне, именно с такими намерениями позвонил в ее дверь.

За дверью раздалась соловьиная трель, и старушка тут же открыла, как будто уже ждала Леню на пороге своей квартиры.

– Ах, Леонид, это вы! – радостно воскликнула она. – Ну расскажите же мне, как все прошло! Они у вас?!

Леня хотел сразу же все объяснить и поставить жирную точку в их отношениях, но Саломея Леонардовна всплеснула руками, подхватила его под руку и повлекла в комнату, шепеча:

– Что же это я, сразу с вопросами... прямо на пороге... вы с дороги, у вас была трудная ночь, а тут я со своим эгоизмом... со своим нетерпением... пойдемте в комнату, я сварю вам кофе! Настоящий турецкий кофе, какой варили в Стамбуле пятьдесят лет назад...

Леня пытался вставить хоть слово, но Саломея Леонардовна махала руками и прижимала палец ко рту, повторяя:

– После, после! Сначала кофе!

В конце концов Леня сдался, сел за стол и мрачно уставился в бархатную скатерть, мысленно подбирая слова, чтобы объяснить хозяйке дома, что у него ничего не получилось и что он отказывается от дальнейших попыток.

Наконец она появилась с серебряным подносом, на котором дымились две крошечные чашечки.

– «Кумир мой, кумир мой!» – пропела Саломея, поставив перед Леной чашку и придвигая ему вазочку с печеньем.

Леня перестал уже чему-либо удивляться, не шарахнулся от старухино пения в сторону и не расплескал кофе.

Кофе был действительно хорош – крепкий, горячий и сладкий, каким и должен быть настоящий кофе.

Леня выпил его маленькими глотками, отставил чашку и поднял глаза на хозяйку.

Она сидела, молитвенно сложив руки.

– Ну как? Они у вас?

– Нет. – Леня покачал головой и достал из кармана конверт. – Вот ваши деньги...

– А в чем же дело? – горестно проговорила Саломея Леонардовна. – Этот человек не пришел?

– Он пришел. – Леня положил конверт на стол и подтолкнул его к хозяйке. – Он пришел, но с обменом ничего не вышло...

– Отчего же? – В голосе пожилой дамы прозвучало недовольство. – Ведь он сам назвал цену...

– Понимаете, – Леня проникновенно взглянул на Саломею, – наша сделка сорвалась по очень серьезной и уважительной причине.

– Не понимаю, какая может быть причина. – Хозяйка обиженно надулась. – Леонид, мне вас очень хорошо рекомендовали, а вы, я вижу, не справились...

– Причина серьезнейшая, – продолжал Маркиз. – Смерть!..

В комнате на мгновение наступила звенящая тишина. Леня вспомнил свой сегодняшний сон, костлявую смерть, бредущую по дороге, опираясь на посох.

– Что? – переспросила наконец дама, хлопая глазами. – Я не ослышалась?

– Нет, – подтвердил Леня. – Этого человека убили. Дневники пропали. И я вынужден вернуть вам деньги и откланяться...

– Как – откланяться?! – прервала его Саломея Леонардовна. – Артур Альбертович говорил, что вы очень ответственный молодой человек и доводите каждое дело до конца...

– А еще он говорил, что дело самое пустяковое: встретиться с человеком, обменять деньги на дневники и вернуться домой. А тут уже замешано убийство, и черт его знает, что ждет меня впереди... Знаете ли, мадам, при всем уважении к вам и Артуру Альбертовичу

я глубоко чту Уголовный кодекс и держусь подальше от таких преступлений, как убийство. Кроме того, дневники все равно пропали, так что нет и предмета для разговора...

– Леонид, если я вам мало плачу – скажите, я увеличу гонорар... в пределах разумного, конечно же!..

– Во-первых, мадам, вы мне пока ничего не заплатили, во-вторых, я ни за какие деньги не буду связываться с делом, в котором замешано убийство!

Леня хотел продолжить, но в это время зазвонил телефон.

Хозяйка сняла трубку, послушала и удивленно протянула телефон Маркизу:

– Леонид, это вас!

Леня, пожав плечами, поднес трубку к уху. Он не имел никакого представления, кто может знать, что он находится в квартире Саломеи Леонардовны. Разве что Руо...

Однако это был не Руо.

Голос был незнакомый и чрезвычайно неприятный – низкий и грубый.

– Слушай меня, Леонид! – проговорил этот голос без всякого выражения. – Приедешь сегодня в два часа ночи в Педагогический сад. Наш человек будет ждать тебя там около статуи Анатомии со старухиными тетрадками. Только, сам понимаешь, после того, что произошло, цена повышается. Привезешь десять тысяч – получишь дневники...

– А теперь ты меня послушай! – прервал Леня незнакомца. – Никуда я не поеду! Я выхожу из дела, и можешь засунуть эти дневники сам знаешь куда...

– Нет, это ты слушай! – Голос в трубке стал громче, но остался таким же низким. – Думаешь, ты самый умный? Думаешь, если ты приехал на заправку на чужой машине, то и следов не осталось? Тебя видели несколько человек, они тебя опознают. Кроме того, на месте преступления остались твои отпечатки. Так что не выпендривайся и делай, что я сказал! Запомнил? В два часа ночи около статуи Анатомии в Педагогическом садике с десятью тысячами баксов! Никаких журналов не нужно, наш человек знает тебя в лицо!

Леня хотел что-то ответить, хотел возразить – но слова застряли у него в горле, а из трубки уже неслись сигналы отбоя.

Он положил трубку и медленно повернулся к Саломее Леонардовне.

У него было такое чувство, как будто его руки и ноги налились свинцом, и каждое движение сделалось мучительно тяжелым.

Его поймали в ловушку! Он лишился своей воли, оказался в безвыходном положении!

– Что с вами, Леонид? – проговорила пожилая дама. – На вас буквально лица нет! Вам сообщили какое-то трагическое известие?

– Да... то есть нет... мне снова предложили обменять ваши дневники на деньги...

– Но ведь это же замечательно! – Саломея Леонардовна оживилась. – Я надеюсь, вы доведете дело до конца?

– Но они повысили цену. Теперь они хотят десять тысяч.

– Так вы из-за этого так расстроились?! – Пожилая дама рассмеялась. – Леонид, десять тысяч – это, конечно, большие деньги, но эти дневники... они мне так дороги! Я сделаю несколько звонков и, возможно, наберу эту сумму. Есть еще люди, готовые мне помочь!

– Постойте! – Маркиз поднял руку. – Что же там такое важное?

– Там вся моя жизнь, молодой человек! – наставительно проговорила Саломея Леонардовна. – А за свою единственную жизнь мне не жаль никаких денег!

На миг, только на один миг, Лене показалось, что старуха слишком ярко блеснула глазами, произнося свой напыщенный монолог. Но нет, перед ним была почтенная старая дама, немножко со странностями, конечно, но их можно было отнести за счет преклонного возраста. Однако ему очень и очень не нравилась история с дневниками и убийством, в которую он попал по собственной доверчивости. Лолка права, он пошел на поводу у Артура Альбертовича

и согласился на сомнительную авантюру. Какие еще дневники? Если они для нее так ценны, то хранила бы их в банковском сейфе!

– Тогда ответьте на другой вопрос. Ведь вы, кажется, говорили, что у вас никого не бывает?

– Совершенно верно, – кивнула старуха. – Я живу очень одиноко...

– Но тогда каким образом у вас пропали эти дневники? Чудес не бывает! Припомните-ка, когда именно они пропали и кто посещал вас за это время.

– Когда они пропали? – Старая дама задумалась. – Кажется, последний раз я в них заглядывала месяц назад. Потом убрала на прежнее место, а когда снова заглянула туда на прошлой неделе, их уже не было...

– Значит, месяц назад! – повторил Маркиз. – И кто же у вас побывал за этот месяц?

– Да говорю же вам – никого! – Саломея Леонардовна наморщила лоб. – Ну, один раз заходил участковый врач, я знаю его лет двадцать, не на него же думать...

– Да, не на него... – задумчиво проговорил Маркиз.

– Еще Алик, но он такой славный молодой человек...

– Алик? – Леня насторожился. – Кто такой Алик?

– Ну, Алик из химчистки. Он забирал в чистку мои шторы, а потом привез их обратно... – Она показала на тяжелые бархатные портьеры, закрывающие окна.

– Алик, значит! – Леня привстал.

– Ну, на него я ни за что не подумаю! Он просто прелесть! Сам повесил шторы и не взял с меня за это ни копейки!

– Это вдвойне подозрительно! Скажите, что это за химчистка? Где расположена?

– Понятия не имею, где они расположены! Я звоню им по телефону, и приезжает Алик...

– Но у вас по крайней мере есть телефон этой химчистки!

– Ну разумеется! – Саломея Леонардовна встала из-за стола и подошла к буфету. Она выдвинула верхний ящик и принялась рыться в нем, приговаривая: – Ну никогда не поверю, что это Алик! Он такой вежливый, обходительный...

– Вы не поверите, мадам, какие обходительные люди встречаются среди серийных убийц! – парировал Маркиз.

– Леонид, вы циник... Да где же эта квитанция? Это за телефон... это вообще рецепт... а это давно нужно выкинуть, она уже просрочена... Ах, вот же! Видите – химчистка!

Леня взял смятую желтоватую квитанцию и нашел в ее верхнем углу не только телефон, но и адрес химчистки.

Располагалась она в мрачном районе неподалеку от печально знаменитого Лиговского проспекта, издавна славящегося повышенной криминогенной обстановкой.

– Что вы хотите делать, Леонид? – испуганно спросила хозяйка квартиры.

– Не волнуйтесь, я только взгляну на этого Алика и попытаюсь понять, что он собой представляет. Обещаю его не трогать. Кстати, как он выглядит, чтобы мне не вдаваться в долгие расспросы?

– Ну, такой узкоплечий, волосы светлые, глаза серые, рост небольшой... ах да, в ухе серьга, такое обычное колечко...

– Что ж, думаю, что в той химчистке он такой один. Так что я поеду, побеседую с этим Аликом. А вы пока, если хотите все же получить обратно свои дневники, постарайтесь достать нужную сумму...

Маркиз распрощался с Саломеей Леонардовной и отправился на поиски подозрительного Алика, стянув напоследок с полочки под зеркалом ту самую фотографию, где была сцена из оперетты «Летучая мышь», и старуха утверждала, что слева в роли Адели она сама. За ней нашелся и другой снимок – вовсе уж маленький, любительский. Там трое в мексиканских костюмах исполняли, надо думать, какой-то танец. Руки их были подняты в одинаковом при-

ветствии, двое мужчин и девушка стояли друг за другом, изображая, что едут на лошади. Мужчины были в сомбреро, у девушки шляпа сползла назад, и Леня с трудом, но узнал в ней Саломею Леонардовну. Леня сунул в карман и эту фотографию.

Маркиз решил играть по своим правилам и между делом поинтересоваться, кто же такая была в молодости Саломея Леонардовна и какие у нее сейчас друзья, если согласны выдать ей безвозмездно десять тысяч баксов на такую ерунду, как старые тетрадки.

Выходя из подъезда, он машинально насвистывал куплеты Адели: «Милый маркиз, вы первый приз сумели заслужить...» Однако настроение у Лени было отвратительное, так что на припеве он даже слегка сфальшивил.

По уже сложившейся привычке Маркиз оставил свою машину в нескольких кварталах от дома, где находилась химчистка. Правда, в этом районе надолго оставлять машину было небезопасно: с нее запросто могли снять колеса, а то и вовсе угнать. Но Леня надеялся обернуться быстро, быстрее, чем местная шпана разберется с машиной.

Он прошагал пару кварталов и оказался перед стеклянным кубом торгового центра, втиснутым между двумя мрачными краснокирпичными домами позапрошлого века. Этот стеклянный куб выглядел в своем окружении нелепо и вызывающе, как золотая коронка среди гнилых зубов старого бомжа.

Леня прошел сквозь стеклянные двери центра. На стуле возле дверей мирно дремал пожилой охранник. Кроме него, в холле не было ни души. При появлении Лени охранник негромко всхрапнул, проснулся и вытаращил глаза на посетителя: видимо, живой человек был редкостью в этом заведении.

– Служивый, – обратился к нему Маркиз, – а где здесь химчистка?

Охранник пробормотал что-то неразборчивое, затем откашлялся и произнес более внятно:

– Вон указатель на стене! Читать умеешь?

– Я много чего умею, – обиженно отозвался Маркиз. – А ты тогда для чего сидишь?

– В целях соблюдения общественного порядка, – отозвался охранник и снова задремал.

Леня подошел к лифту и действительно увидел на стене указатель расположенных в торговом центре магазинов и мастерских.

Нужная ему химчистка называлась почему-то «Ручеек» и располагалась здесь же, на первом этаже, только немного левее по коридору.

Леня дошел до нужной двери.

Помещение химчистки было отделено от коридора стеклянной стеной, оно было ярко освещено люминесцентными лампами и прекрасно просматривалось из коридора. Внутри не было видно ни души, но на прилавке лежала аккуратная стопка вычищенных вещей, и раздавался мерный звук какого-то работающего механизма, из чего Леня сделал резонный вывод, что кто-то из сотрудников находится поблизости и только ненадолго отлучился.

Дверь была открыта, Маркиз вошел внутрь и проговорил:

– Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало.

– Эй! – крикнул Леня погромче. – Есть кто в «Ручейке»? У вас тут все растащат...

Ответа снова не было. Вообще в химчистке царилла какая-то странная тишина, нарушаемая только мерным механическим звуком, доносящимся из-за прилавка.

Звук этот показался Лене знакомым.

Он обошел прилавок и увидел за ним огромную стиральную машину. Барабан машины быстро вращался, издавая тот самый ритмичный звук, который Маркиз слышал еще из коридора. Потому-то звук и показался Лене знакомым – примерно такой звук издавала их стираль-

ная машина, когда Лола запускала ее, чтобы постирать свои и Ленины вещи или многочисленные одежки Пу И.

Лола к стиральной машине относилась чрезвычайно трепетно и Маркиза к ней не подпускала: она считала, что он, как большинство мужчин, ужасно неуклюж и непременно что-нибудь сломает в замечательном устройстве...

Леня машинально взглянул на стеклянное окошечко машины... и удивленно захлопал глазами. Конечно, барабан вращался слишком быстро, чтобы можно было как следует разглядеть его содержимое, но Маркизу показалось... нет, ерунда, такого просто не может быть!

Он отступил в сторону и завертел головой.

В помещении химчистки по-прежнему никого не было.

– Да что же это такое!.. – пробормотал Леня раздраженно. – Как люди работают? Неудивительно, что в стране кризис...

В это время звук, издаваемый стиральной машиной, изменился. Он стал тише и как-то басистее.

Барабан постепенно замедлил свое вращение.

Леня снова опасливо взглянул на него... и попятился.

Ему ничего не показалось.

Внутри замедляющего ход барабана находились не шторы, не гардины, не предметы верхней одежды, не чехлы от автомобильных сидений и даже не использованные парашюты.

Внутри барабана находился человек.

Не веря своим глазам, Леня подошел ближе...

Барабан повернулся последний раз и остановился.

За стеклянной дверцей действительно находился человек. Руки и ноги его были нелепо подогнуты, а лицо прижалось к стеклу, как будто несчастный пытался выбраться наружу. Рот его был широко открыт в безмолвном крике.

Разумеется, человек был мертв. Вероятно, он был очень хорошо выстиран – как Леня заметил, машина была поставлена на режим длительной стирки. На таком режиме Лола стирала постельное белье, покрывала с диванов и джинсы.

Внимательно приглядевшись к постиранному человеку, Леня заметил слипшиеся, падающие на лоб светлые волосы и серьгу в одном ухе. Именно такую серьгу, какую описывала Саломея Леонардовна, – простое золотое колечко.

То есть человек в барабане был, безусловно, тот самый Алик, о котором Маркиз хотел разузнать в химчистке.

Разузнал, ничего не скажешь!

– Да что же это такое! – проговорил Леня вполголоса, ни к кому не обращаясь (благо никого, кроме него, в помещении химчистки не было). – Что же это такое! Куда я ни приду – везде обязательно обнаруживается труп! Что у нас – эпидемия какая-то? Пандемия? Птичий грипп? Чума, холера?

Ему, разумеется, никто не ответил. Леня и не ожидал никакого ответа, он произнес свою фразу вслух только для того, чтобы немного успокоиться, взять себя в руки...

Ситуация действительно была пренеприятная.

Мало ему, что какие-то подлые люди угрожают повесить на него убийство на заправке, – теперь еще этот труп в химчистке... охранник торгового центра видел его и наверняка опознает, несмотря на то что был в полудреме...

Но еще одна мысль не давала ему покоя.

Если кто-то неизвестный так безжалостно расправился с Аликом – значит, Алик здесь не случайная фигура, как Маркиз и подозревал, значит, он несомненно причастен к пропаже дневников Саломеи Леонардовны. А скорее всего именно он их и украл. Но тогда... тогда

почему его убили именно сейчас, когда Маркиз приехал, чтобы навести о нем справки? Не раньше и не позже?

Выходит, что убийца знал о Лениных намерениях?

Но откуда, как он мог о них узнать, если сам Леня всего лишь час назад узнал о существовании Алика и еще позже выяснил адрес этой химчистки?

Мысль эта была очень неприятная. Лене показалось, что кто-то следит за каждым его шагом, он даже на всякий случай обернулся...

Но за спиной у него, к счастью, никого не было...

Как бы то ни было, нужно скорее удирать отсюда, пока его кто-нибудь не застукал около труп.

Леня бросил последний взгляд на круглое окошко стиральной машины.

Несчастный Алик прижимался к стеклу, как будто просил о помощи. Руки, как уже было сказано, нелепо подогнуты, но одна из них тоже была прижата к самому стеклу, и Леня увидел на запястье покойника татуировку – синий скорпион в красной зубчатой короне...

– Знакомая татуировочка! – прошептал Леня, медленно пятясь к дверям. Повернуться спиной к мертвецу он почему-то не мог.

Знакомая татуировочка... точно такая же, как та, что была на руке у человека с заправки...

Леня выскользнул из помещения химчистки и крадучись вернулся в холл торгового центра. Там было по-прежнему пусто. Охранник мирно дремал, время от времени уютно всхрапывая.

Маркиз на цыпочках прокрался мимо него. Автоматические двери бесшумно открылись, и он выбрался на улицу.

Здесь он перевел дыхание, оглянулся... и увидел над входом в торговый центр черный тубус телекамеры.

Значит, он в любом случае заснят на пленку, и его могут найти, когда будут расследовать убийство Алика...

Почувствовав себя крайне неуютно, Леня прибавил шагу. И дернула же его нелегкая поехать разбираться с этим Аликом! Да и вообще, дело с дневниками, казавшееся вначале пустяковым, постепенно превращалось в неподъемную громаду, придавившую Леню, как снежная лавина маленькую железнодорожную станцию в горах...

– Эй, мужик! – окликнул его кто-то. – Купи зеркало!

– Что? Какое зеркало? – Маркиз недоуменно поднял глаза и увидел потертого типчика с бегаящими глазками, который заступил ему дорогу. Красный бугристый нос «продавца» и его маленькие глазки в склеротических прожилках явно указывали на предпоследнюю стадию алкоголизма.

– Хорошее зеркало, от «тойоты»! – зачастил тот и вытащил из-под полы боковое автомобильное зеркало. – Купи, мужик! Дешево отдам! Мне на лекарство не хватает, так бы в жизни не продал... жена болеет, лекарство ей нужно...

– Знаю я твоё лекарство... – Леня хотел оттолкнуть алкаша, но, взглянув на зеркало, с удивлением увидел, что оно того редкого голубовато-стального оттенка, которым отличалась его собственная машина, тоже, кстати, «тойота». Сегодня он приехал на собственной машине, поскольку не ожидал никаких неприятностей.

– Мужик, ты где это зеркало взял? – рявкнул Маркиз и схватил алкаша за воротник.

– Где взял, где взял? – забормотал тот. – Со своей машины снял! Говорю, дочке лекарство нужно...

– Ах со своей? – Маркиз прибавил шагу, волоча за собой алкаша. – У тебя, значит, голубая «тойота» последней модели? Я тебе, козел винторогий, сейчас такое лекарство пропишу, разом вылечишься... и ты, и жена твоя, и дочка! Которой, кстати, у тебя никогда не было!

– Отпусти! – верещал тот, безвольно перебирая ногами. – Отпусти, падла, хуже будет!

Маркиз только ускорил шаг и через минуту уже подходил к своей машине. Как он и подозревал, одного зеркала уже не было, а над вторым возился толстый мужик с короткой рыжей щетиной на голове.

Не поднимая головы, мужик прохрипел:

– Ну что, Васильич, загнал зеркало? Щас я второе отвинчу... крепко, зараза, приделано...

– Я тебе сейчас самому все, что надо, отвинчу! – выкрикнул Маркиз и свободной рукой ухватил рыжего ворюгу за шкирку. – Вам, козлы, жить надоело? Так мы эту недоработку быстро исправим! Пойдем навстречу пожеланиям читателей!

Как уже неоднократно отмечалось, Маркиз не любил и не уважал физическое насилие во всех его формах и разновидностях. Но сейчас, после ужасной сцены в химчистке, у него было самое скверное настроение и он готов был буквально на куски разорвать двоих уличных умельцев.

Проще говоря, они подвернулись ему под горячую руку.

– Ты что, падла японская, делаешь? – взвыл рыжий. – Ты на меня, трудящего человека, руку поднимаешь? Нам с Васильичем на водку не хватает, а ты по нашим родным улицам на иномарке раскатываешь? Да мы тебя сейчас в этот... в бараний рог!

– Ты, «трудящийся человек», где всю жизнь трудился? Гардеробщиком в бане или грузчиком в винном магазине?

– Грузчиком... – необдуманно ляпнул толстый.

– Оно и видно! В магазине такую ряху наел! Я вас сейчас обоих в канализацию спущу и крышкой закрою! – Леня сшиб страдальцев лбами, при этом раздался сухой деревянный стук, как от ударившихся друг о друга бильярдных шаров. Алкаши немзыкально взвыли на два голоса, а Леня, не на шутку разозлившись, действительно тащил их к канализационному люку, накрытому тяжелой чугунной крышкой...

– Прости, братан! – первым опомнился Васильич. – Мы же не знали, что это серьезного человека тачка! Мы думали – так, лох какой-нибудь припарковался, а лоха надо учить...

– Не знали! – выдохнул Маркиз, приходя в себя. – Ладно, ваше счастье, что мне некогда! Но если еще раз попадетесь – честное слово, спущу в канализацию!

Он отшвырнул незадачливых добытчиков, подхватил зеркало и поспешил к своей машине, пока от нее не отвинтили еще какую-нибудь нужную деталь.

Увидев физиономию своего компаньона, Лола ничего не спросила – и так все было ясно. Маркиз сбросил куртку прямо на пол, вылез из ботинок и в одних носках пошлепал к себе. Лола подняла куртку, потрясла ее над полом в тщетной надежде, что вывалится что-нибудь полезное, однако ничего не обнаружила.

Она на цыпочках подкралась к двери в Ленину комнату и заглянула в щелку. Все эти предосторожности она проделала для того, чтобы не попасть под горячую руку.

Как уже говорилось, Лола прекрасно изучила своего компаньона и соратника и давно поняла, что он ничем не отличается от среднестатистического мужчины. Ну, поумнее, конечно, порасторопнее, не такой ленивый, но в общем такой же, как все. Вот как поступит женщина, если поймет, что сделала все неправильно, насажала ошибок, в общем, опростоволосилась? Повинится, покается мужу там или начальнику: извини, мол, дорогой, по собственной глупости впросак попала, все потому что тебя, такого умного и замечательного, не послушалась. Виновата во всем сама и впредь больше никакой самостоятельности.

Ну, мужчина сразу приободрится, посмотрит свысока, особенно когда про глупость услышит, тут же на себя всю ответственность возьмет и все силы бросит, чтобы ситуацию разрулить.

Иногда у него это получается. А не выйдет, он жену ругать не станет – сам ведь попробовал, да тоже не получилось.

А мужик? Ни в жизнь не признается даже самому себе, что сам напортачил, что ума да предусмотрительности не хватило. Все у него кругом виноваты, а больше всего та, кто рядом находится, – жена, подруга, сотрудница. Лола совершенно не хотела оказаться в такой роли, потому и топталась на пороге.

Маркиз сидел на кровати и нервно почесывал кота за ушами. Видно было, что Аскольду это не очень нравится, но он терпит из хорошего к хозяину отношения.

– Кофе не хочешь? – заискивающе спросила Лола.

– Напился уже! – буркнул Ленья.

Он поерзал на месте, потому что в комнате была открыта форточка и по ногам дуло. Лола хотела было принести ему тапочки, но решила, что это уж чересчур. Она не дрессированная собачка, чтобы бегать по квартире на задних лапах с хозяйскими шлепанцами в зубах! Этак Ленька захочет еще, чтобы ему завтрак в постель приносили. Или на ночь пятки чесали! Благодарю покорно!

Кот Аскольд внезапно зашипел и вырвался из Лениных рук, слегка царапнув левой лапой.

– И ты, Аскольд... – горько сказал Ленья, – все против меня.

Лола хотела было возмутиться – кто это все, но решила промолчать. Ленья поджал одну ногу, не в силах определить, отчего это ему так некомфортно. Кот перепрыгнул с кровати на кресло и уселся там, аккуратно подогнув под себя лапы и глядя прямо перед собой непроницаемыми изумрудными глазами.

И тут чуткое ухо Лолы уловило доносящуюся из прихожей возню и визг. Лола стрелой метнулась в прихожую, вообразив, что ее обожаемому песику грозит нешуточная опасность.

Звери давно уже не враждовали друг с другом, даже попугай Перришон, у которого был довольно скверный характер, перестал устраивать мелкие пакости Пу И, как то: прятать высоко на шкафу его игрушки, сбрасывать песику на голову газеты и журналы. С котом у него такие номера давно уже не проходили – с тех пор как разъяренный Аскольд выдернул у попугая из хвоста красивое разноцветное перо. Не то чтобы попугай боялся кота – он запросто мог бы выйти победителем из честной схватки, действуя одним только крепким клювом, просто не хотелось доводить дело до открытой конфронтации, потому что тогда в борьбу неминуемо вступили бы хозяева квартиры, а с Ленией у Перришона и так долгое время были натянутые отношения. По первости попугай вздумал было гадить на Ленины безумно дорогие пиджаки, так что никакая химчистка не принимала.

Лола утверждала, что попугай делает это из воспитательных соображений – дескать, она, Лола, никак не могла заставить своего ленивого компаньона вешать вещи в шкаф, убирать грязное белье в корзину, ставить обувь на специальную полочку в прихожей и так далее. Теперь же, с появлением в квартире Перришона, быт понемногу упорядочился.

Стало быть, рассуждала Лола на бегу, если кот тут, в кресле, а попугай на кухне в клетке, то Пу И визжит, потому что с ним случилось что-то действительно ужасное. Ведь был же случай, когда на него упала шляпа и бедный песик чуть с ума не сошел со страха, когда оказался в крошечной темноте! Страшные мысли кончились, поскольку Лола добежала до прихожей.

– Ленья! – послышался ее крик. – Ленья, скорей иди сюда!

– Ну что там еще, – заворчал Ленья и нехотя поплелся в прихожую. В коридоре плитка неприятно холодила ноги, и он осознал наконец, что забыл надеть домашние тапочки.

В прихожей он застал такую картину. Пу И, крошечный капризный Пу И, пытался принести Лене домашние тапочки! Тапок был больше песика раза в два, так что тащить его в зубах не получалось. Песик толкал его носом, пытался подпихивать лапами и наконец утомился и теперь отдыхал в том же самом тапке совершенно без сил.

– Дружище! – растрогался Ленья. – Один ты меня любишь! Один ты обо мне заботишься!

– Ну уж! – не выдержала Лола. – С чего это ему вздумалось?

– Он просто хотел показать мне свою любовь! – запальчиво ответил Маркиз. – Иди ко мне, мой дорогой...

Он подхватил песика на руки, влез наконец в тапки и поплелся на кухню.

– Приходишь домой весь на нервах, измученный, – приговаривал Маркиз на ходу, – едва живой от усталости... А от них пустого чаю не допросишься!

Лола переглянулась с котом, бесшумно возникшим на пороге кухни. Аскольд пренебрежительно фыркнул и удалился. Лола попыталась сделать то же самое, но вместо фыркания получился какой-то хрюк, тогда ей стало смешно.

– Др-рама! – присовокупил попугай из клетки. Он всегда любил оставить за собой последнее слово.

Лола мигом заварила чай – крепкий и ароматный, как учил ее в свое время сам Ленья, выставила на стол вазочку с шоколадными конфетами и крекеры. Из всех видов печенья она покупала только ореховое для Пу И, сдобное и жирное не брала – все же фигуру надо беречь. По этой же причине в доме никогда не бывало тортов с кремом, и Маркиз примирился с такой постановкой вопроса.

Однако сейчас, увидев сухие крекеры, Ленья поднял брови в немом удивлении. Лола мысленно пожала плечами и добавила еще пакетик вяленых абрикосов, присланных тетей Калей.

– Это еще зачем? – скривил губы Маркиз.

– Полезно очень для сердца, инфаркта не будет, – кротко ответила Лола.

– Кто умрет от голода, тому инфаркт не страшен! – с выражением произнес Ленья, так что даже попугай в клетке захлопал крыльями в немом восхищении.

Лола на это промолчала и подумала, что хорошо бы выдать этому типу хоть варенье, а то он не успокоится, так и будет нудить, что его голодом морят. Однако в наличии был все тот же диетический лимонный джем, потому что попробуйте намазать на крекер варенье из райских яблочек! Лоле вовсе не улыбалось потом возиться с липкими плитками пола, да и Пу И обязательно вывозится.

Но за джем тоже можно получить выволочку, раз уж Ленька сейчас в таком настроении.

Лола поджала губы и выдала своему голодающему компаньону банку с теткиным медом.

– Ну ничего нельзя попросить! – вздохнул Маркиз. – Все нужно самому делать!

Он ссадил с колен разочарованного песика и подошел к холодильнику. Глядя на заднюю часть своего компаньона, торчащую наружу, Лола с трудом подавила порыв как следует пнуть его ногой. Она давно уже поняла, что у Маркиза неприятности, больше того – крупные неприятности, и теперь ждала, когда ему надоест валять дурака и он внятно и подробно расскажет ей, что, собственно, происходит. Никак нельзя было разораться, хлопнуть дверью и уйти, не тот был момент, так что Лола сжала зубы, запаслась терпением и решила ждать.

Маркиз выволок из холодильника упаковку сыра, полпалочки копченой колбасы, ветчину, хозяйственно убранную Лолой в специальный контейнер, и пластмассовое корытце с холодцом. Оглянувшись на Лолу и под ее насмешливым взглядом убрал холодец обратно. Зато прихватил по пути гусиный паштет, запаянный в аккуратную колбаску, и пластиковую коробочку, в которой находилась непонятная субстанция под названием «Хумус».

Холодильник негодуяще загудел, утомившись, надо думать, от открытого положения, Лола всей душой была на его стороне, но обуздала свой порыв и сдержалась.

Маркиз что-то понял из ее выразительного молчания, во всяком случае, он самостоятельно налил себе чаю, опасливо оглянувшись на Лолу. Пока он ел, на кухне стояла гробовая тишина, даже попугай помалкивал, нахохлившись в клетке. Только Пу И, этот маленький предатель, сидел рядом с Ленией на круглой табуреточке, как дрессированный хищник в цирке, и умильно на него посматривал. Кот делал вид, что все происходящее его не касается, а попугай, похоже, задремал.

Маркиз ел и ел – и ветчину, и сыр, и колбасу, и паштет. Когда кончился батон, он стал закусывать крекерами. После третьей чашки чаю Лола не выдержала.

– Тебе не поплохее? – ядовито осведомилась она. – Животик не прихватит?

– Не каркай, – тотчас сварливо отозвался ее компаньон, – вечно она каркает.

Поскольку Лола и на этот выпад не среагировала, Леня понял, что тяжелого разговора не избежать.

– Ну да, ну да! – капризно начал он. – Ну сваял я дурака с этим делом, что же теперь, повесить мне на шею чугунную доску с надписью «Кретин»?

– Хорошо бы, – мечтательно отозвалась Лола. – Ну говори, что там еще случилось, горе мое луковое!

– А ты не будешь ругаться? – спросил Леня.

– Буду, – твердо пообещала Лола, – я тебя сразу предупреждаю, что ругаться я буду. Так что излагай! Я так понимаю, что от старухи тебе избавиться не удалось?

И Маркиз, повесив повинную голову, скороговоркой изложил своей боевой подруге и соратнице про новый звонок неизвестного, про десять тысяч долларов и про химчистку с трупом Алика в барабане стиральной машины.

– Да что же это за старуха такая? – искренне рассердилась Лола. – Вот еще навязалась на нашу голову! Может, позвонить Артуру Альбертовичу?

– Не надо, – твердо ответил Маркиз, – дело тут нехорошее, и не нужно вмешивать ни в чем не повинного старика. Если с ним что случится, я никогда себе не прощу! Разберемся сами! Кстати, Лолка, для тебя есть работенка!

И Маркиз положил на стол две фотографии, которые утащил у Саломеи Леонардовны.

– Это она? – Лола склонилась над сценой из оперетты.

– Утверждает, что да, – протянул Маркиз, – ты всегда говорила, что про театр знаешь все на свете, так дерзай! Прояви себя с лучшей стороны! Выясни, кто была такая эта Саломея, где играла, может, найдешь тех людей, кто ее близко знал!

– А фамилия у нее есть? – прищурилась Лола.

– Фамилий у нее как у барбоски блох! – объявил Леня. – Говорит, что было пять мужей и она каждый раз меняла фамилию! Кроме того, сценические псевдонимы – тоже пришлось несколько раз поменять, тебе ли не знать, как это делается... То она была Задонская, то Заневская, а может, Задунайская...

– Зачем менять сценический псевдоним? – удивилась Лола. – Когда тебя именно по нему все знают...

– Ну, может, оскандалилась в каком-нибудь театре, петуха пустила в главной арии или шлепнулась на сцене. – Маркиз начал терять терпение. – Слушай, займись этим сама! А я посплю немного, а то вторую ночь бодрствовать придется.

Лола очень выразительно посмотрела на пустой стол, потом перевела взгляд на холодильник, в котором после визита Маркиза, выражаясь словами старой песни, была «зима, пустынная зима». Разумеется, после всего съеденного ее компаньон способен только плюхнуться на диван и придавить подушку!

Маркиз со своей стороны сделал вид, что не заметил ее выразительных взглядов, и ушел к себе. Лола положила перед собой две фотографии и внимательно их рассмотрела. Одна – совсем маленькая, явно любительская, кто-то щелкнул троих в мексиканских костюмах, получилось не слишком четко, но лица разобрать можно. Другая – фирменная, на плотной бумаге, фигуры расположены очень удачно, видны яркие сценические костюмы. На мужчине расшитый золотом мундир, на одной из женщин фантастический наряд, черное, с серебристо-серым, платье, на другой – светлое с черными кружевами. Интересно, какого цвета платье – голубого, розового или желтого? Снимок-то черно-белый... Обе дамы затянуты в корсеты, и все трое в масках, так что лиц не разглядеть. Ах, ну да, это же сцена из оперетты «Летучая мышь»!

Лола перевернула фотографию. Вот, кстати, и надпись мелким шрифтом: «И. Штраус. «Летучая мышь». Ленинградский театр музкомедии. 1965 год».

«Однако, – поразилась Лола, – как же давно это было... Пожалуй, и концов не найти... Я тогда еще не родилась...»

Но она тут же представила, что скажет Ленька, когда проспит, – что он так и знал, что Лоле ничего нельзя поручить, что она ни к чему не способна и что помощи от нее в трудную минуту ждать что от козла молока. И самое главное, как он это скажет – презрительно сощурился глаза и притворно вздыхая.

Лола посидела немного, сдвинув брови, потом прихватила песика и пошла к себе. Там она порылась в ящиках комода и обнаружила свою старую записную книжку, еще тех благоденственных времен, когда она служила в театре. Книжка нашлась довольно быстро, понадобилось всего-навсего вывалить на пол содержимое двух ящиков и прищемить руку третьим.

Пролистав книжку, Лола удовлетворенно улыбнулась и пошарила по кровати в поисках телефонной трубки, не нашла и сообразила, что паршивец Пу И наверняка снова закатил трубку под кровать. Пришлось сгрести все вещи с пола и запихнуть их в ящики, не разбирая.

Телефонная трубка нашлась под покрывалом. Только было Лола собралась позвонить, как за дверью раздалось душераздирающее мяуканье – это кот, брошенный на кухне, почувствовал себя одиноко и пытался пролезть в спальню.

– Только попробуй точить когти об антикварную мебель! – на всякий случай пригрозила Лола. – И цветы не смей трогать!

«Подумаешь! – ответил кот выразительным взглядом. – Не больно-то и хотелось...»

Лола прекрасно знала такие взгляды, однако все же пустила кота к себе, в противном случае он будет торчать в прихожей и рвать обои возле ее двери. Или разорется возле комнаты Маркиза, пока не разбудит того раньше времени.

Лола уселась на кровать рядом с котом и набрала первый номер в записной книжке. Через сорок пять минут, слегка посадив голос от непрерывной болтовни, она удовлетворенно откинулась на подушки. Нужный человек был найден.

Когда-то давно, когда Лола после окончания учебы в театральном институте поступила в свой первый в жизни настоящий театр, она познакомилась со старой костюмершей, которую все звали тетей Глашей. Тетя Глаша тогда уже была сильно немолода, но бодра духом. Худенькая, страшно энергичная, она успевала везде, в том крошечном театрике подрабатывала два раза в неделю – подгоняла костюмы, что-то перешивала, что-то мастерила, что-то перекраивала, а гладили вещи к спектаклю актрисы сами.

Тетя Глаша поработала за свою долгую жизнь едва ли не во всех театрах нашего города и, самое главное, помнила всех и вся, от знаменитых трагиков до скромных травести и от главных режиссеров до рабочих сцены и осветителей. Лола сильно надеялась, что и ее тетя Глаша вспомнит, может, не сразу, но непременно вспомнит. И уж если она не расскажет ничего про театр Музкомедии, то больше Лоле и обратиться не к кому.

Перед глазами встала ехидная Ленькина физиономия, но Лола отогнала непрошеное видение. Она собралась минут за пятнадцать, поставив личный рекорд, схватила сумочку и только тут сообразила, что давно уже не видит Пу И.

– Детка, ты где? – спросила Лола, аккуратно подкрашивая губы перед зеркалом.

Ответом ей было молчание. Лола пошарила на кровати, но наткнулась только на кота, который недовольно зашипел, когда она ненароком дернула его за хвост. Тогда Лола вскочила и побежала на кухню, где, как ей казалось, она оставила песика. Но там встретил ее только попугай, который задумчиво расхаживал по клетке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.